

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН

СИЖУ, ПЬЮ КОФЕ,
АНАЛИЗИрую.
В ЧАШКЕ ОСЕНЬ,
В ПЛАНАХ ЗИМА,
В ТЕЛЕ ВЕСНА,
А ДУШЕ, КАК ВСЕГДА,
НЕ ХВАТИЛО ЛЕТА.

КОФЕ

НА УТРЕННЕМ НЕБЕ

Антология любви

Ринат Валиуллин

Кофе на утреннем небе

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Валиуллин Р. Р.

Кофе на утреннем небе / Р. Р. Валиуллин — «АСТ»,
2018 — (Антология любви)

ISBN 978-5-17-100045-5

Хорошо быть семейным: ты крутишь фарш, она лепит пельмени. Идиллия. Совсем другое дело одиноким: она крутит хвостом, ты лепишь горбатого, а пельмени ждут вас в ближайшем ночном магазине, если дело до них дойдет. Стоило только отвлечься, как кто-то обнес твой дом, похитил не только счастье, не только своего человека, но даже твои дела, оставив тебе только вид из окна. И чем чаще ты смотришь в него, тем чаще приходит одиночество и похищает все мысли.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100045-5

© Валиуллин Р. Р., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ринат Валиуллин

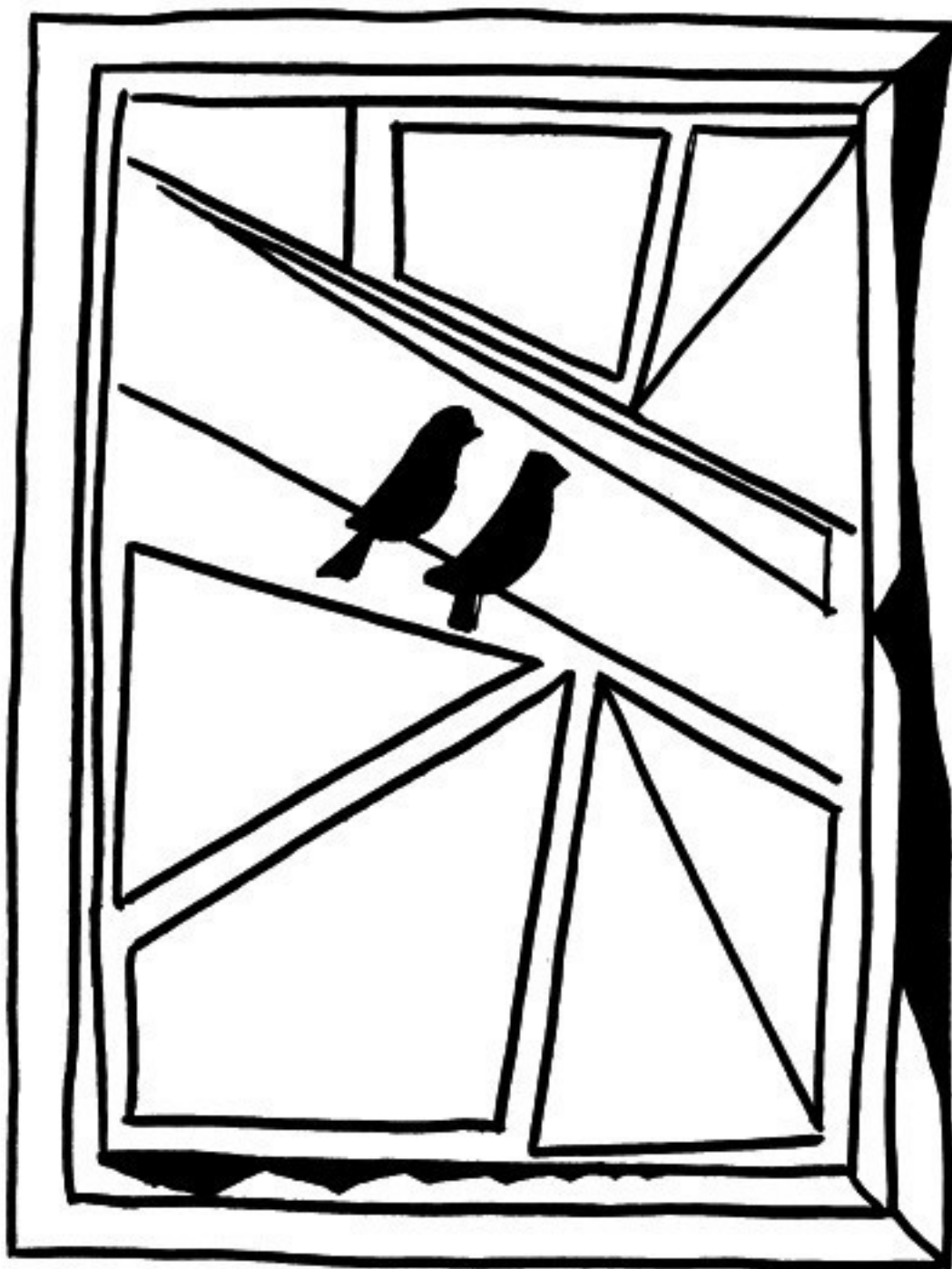
Кофе на утреннем небе

Посвящается моему отцу...

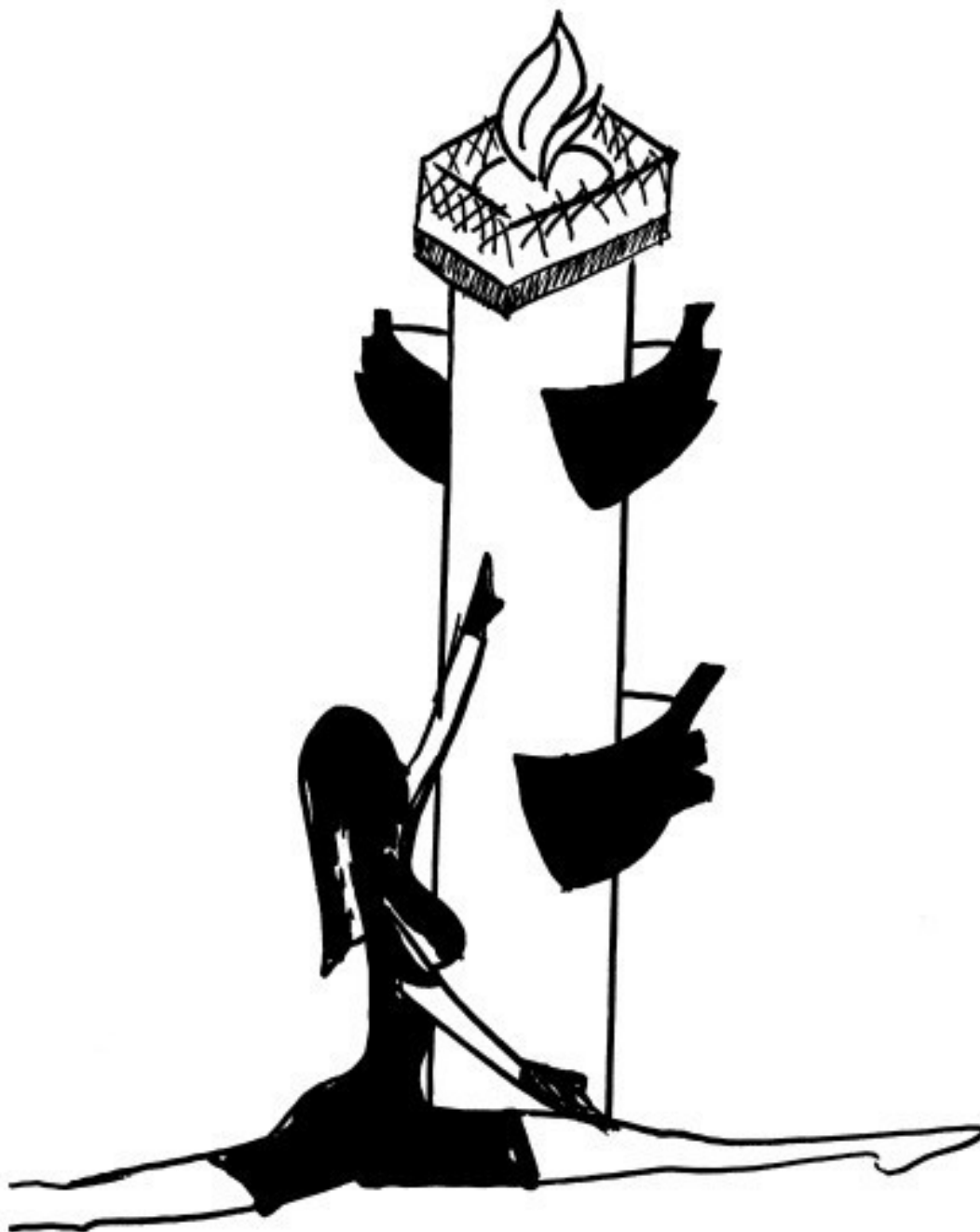
В книге использованы рисунки автора – *Ринат Валиуллин*

Издание дополненное и переработанное. Ранее книга издавалась под названием «Соло на одной клавише»

Художественное оформление серии – *Екатерина Фerez*

Часть 1

Взгляд мой упирался в телевизор, который стоял напротив. Я попробовал новости, не найдя в них ничего нового, переключил на море, шёл какой-то фильм, где парочка нежилась на пляже:

– Я люблю юг. На юге с женщинами всегда было проще: и шуб не надо дарить, и море рядом, – лежал он рядом с симпатичной женщиной, уперев локоть в песок и глядя на неё сквозь тёмные очки.

– Ага, скажи ещё и товар всегда лицом, – перевернула она пляж на другую сторону, подставив солнцу лицо.

– Ты далеко собрался? – остановила девушка его руку, которая двигалась от талии к её груди.

– Нет, до оргазма и обратно.

Интим в 11.00 показался мне слишком ранним, я лишил героев голоса и перевёл взгляд выше. Там висела картина современного художника, которую я купил как-то в галерее напротив, но не из-за большой страсти к искусству, просто хотелось скрыть неровность на стене. Как только я её повесил, стена действительно перестала нервничать, и мне работалось спокойнее, однако с её появлением в жизни стали происходить метаморфозы. Имени художника я не помнил, но зато врезалось название: «Инь и Янь. Голубиная почта» – исчерченное проводами небо и два голубка на одной из линий. Линии эти разбивали высь на разного цвета куски. Безусловно, речь шла о связи двоих, посредством Интернета или телефона. Небо было похоже на квилт, одеяло, сотканное из разных кусков, которым хотелось укрыться, в котором я был бы не прочь провалять это утро.

Работать не хотелось, я встал, потянулся, сделал несколько махов руками, но так и не взлетел. Подошёл к окну. Солнце было самым капризным из всех домашних животных. Сегодня оно опять нас не любило, сколько бы ни обожали его мы. Не выходило. На улице ветрено, влажно и противно. Осень – какая несправедливость: в то время как хочется зависеть от любимого человека, зависишь от погоды.

Максим снова прибавил звука фильму и сел в кресло. Кино не трогало, для лета в нём не хватало страсти, для отношений – капризов. Время от времени взгляд вместо ящика оставался на картине. Он понял, что смотреть на неё ему приятнее, чем в экран, хотя может быть и менее информативно на первый взгляд, потому что на второй – было о чём подумать. Картины для того, чтобы вдохновлять. Ни телевизор, ни его картина не могли ни на что вдохновить. Да и на что может вдохновить искусственный глаз, который заморгал рекламой в очередной раз, разве что отсосать остатки времени и положительных эмоций, особенно если освещали события в мире, загоняющие тебя ещё дальше, в самую гущу осени.

Я переключил программу, передавали новости, и телевидение снова стало чёрно-белым. Переключился на полотно. Голубки ворковали.

Мне тоже захотелось поворковать. Я вызвал Катю.

– Кофе? – спросила Катя, вытеснив из пространства моего кабинета одиночество.

– Катя, вы могли бы выключить телевизор?

– Ну, вы совсем уже, Максим Соломонович, – возмутились хором белая кофточка, чёрный пиджак и розовая юбка. «Почему юбка розовая?» – мелькнула у меня того же цвета мечта.

– Может быть, я тебя испытываю в роли покорной жены? – всё ещё рассматривал я её, окопавшись в кресле.

– Это ни в какие рамки не лезет, – всё ещё глядя на меня с недоумением, взяла она пульт со стола, и зрачок погас.

– Вот и я про картину. Вам нравится она, Катя? Я хотел сказать, есть ли разница, куда смотреть: в телевизор или на картину?

– Я вообще телик не смотрю. Ящик для стариков.

– Серьёзно? – почувствовал я себя отстающим от жизни. – Неужели я такой старый? – презарядил я на плечах пиджак.

– Нет ещё, но постоянно туда смотрите.

– Могла бы приносить кофе чаще.

– Смотрите лучше на картину. – Катя знала, что если шеф переходил на «ты», значит, либо ему было не по себе, либо он сердился.

«Ну вот, что за скромность, могла бы сказать – смотрите лучше на меня, Максим. Я бы смотрел тогда, может быть, чаще, может быть, не только смотрел. Хотя это было бы непра-

вильно: мужчина, если он действительно хочет женщину, оказывает внимание сам. Или я стал настолько ленив и скучен?»

– Её же тоже придётся время от времени выключать. Кстати, где от неё пульт?

– От кого?

– От картины.

Катя не поняла юмора, это было выше её чувств. «Как часто чувство юмора остаётся в тени других чувств в то время, как является источником кислорода для настроения. Чувство юмора – это тот самый спаситель, который не даёт чувству собственного достоинства завоевать весь твой внутренний мир», – хотелось мне прочитать Кате мораль, но я сдержался. Пожалуй, единственное, что нас объединяло, – приступы скромности, когда слова спотыкаются, боясь выйти наружу, и застревают в горле. Compliments я делал редко, чтобы не смущать и не совращать. Она улыбнулась через силу:

– Может, кофе вам действительно приготовить, Максим Соломонович?

– А что, он ещё не готов? А с виду такой серьёзный напиток.

– Как всегда? – спросила Катя, на автомате, прекрасно зная, что если не было солнца, то его могли заменить три ложки сахара вместо обычных двух.

– Я бы очень хотел как никогда, «но только не с тобой, Катя», – добавил я уже про себя. Скоро аромат кофе ласково тёрся о мою щёку.

В жизни каждого бывают периоды повествования, когда атмосфера затянута плотно прозой жизни, ни диалога вокруг. То есть людей много, а диалога нет, потому что каждый несёт своё, приносит свои слова: «Пусть у тебя полежат, у тебя же сейчас всё равно никого и свободно, я заберу потом при случае». А случай тебе не нужен. Тебе нужно другое, другая, другие, несколько реплик, предложений, писем... Постоянных, греющих, подбадривающих, твоих.

Я пребывал в этой менопаузе уже довольно давно. Проза, проза, проза, как чернозём. Картошку вырастить можно, но хочется возделывать виноградник. Однако тот капризен, ему нужны впадины, холмы, долины, если о теле, климат – если о душе, рельеф – если об уме.

* * *

Инь: Сегодня целый день витала потребность к тебе на колени, и прижаться к напильнику щетины. С самого утра мне просто необходима постель из твоих объятий мясных, хочется нырнуть туда, убитый поцелуями бледность своих губ и серость будней. Я знаю, что из зол отношений самое вредное: зависимость – быть, наркотик – вдвоём. Я подседа безбожно, да что там колени. Я вывернута, и меня колотит дрожь, небрежно рукою застеленная, когда ожиданием жмёт сама память. Моя карта памяти переполнена нашими поцелуями.

Янь: Вот видишь, они рвутся за рамки. Нормы, рамки – это то, что делает нас нормальными, но есть одно «но», если я буду нормальным, я тебе быстро наскучу.

Инь: Ты прав: с одной стороны, очень хочется безумия, с другой – комфорта.

Янь: А ты сейчас с какой?

Инь: У меня перерыв. Я пью чай. А потом на сторону.

Янь: Только не делай глупостей с кем попало. Я уже еду к тебе, любовь моя.

Инь: Ты ещё на работе?

Янь: Да.

Инь: Я думала, ты уже выехал. Когда освободишься?

Янь: Думаю, скоро уже поеду. А что?

Инь: Будешь проезжать мимо – позвони. Может, поженимся.

Янь: Есть повод?

Инь: Да, у меня утка в духовке.

Янь: Смотри не пересоли. Чтобы не получилось как в прошлый раз.

Инь: А как было в прошлый раз?

Янь: Я целовал её губы и шею, пока она плакала, настолько чувствительная, что всякая ерунда готова была испортить её настроение. После слёз обычно был секс. Она это знала, и я знал, продолжая утешать, выедавая поцелуями её кожу, не понимая, зачем так было солить.

Инь: Отлично! Особенно последняя фраза. В этот раз даже не надейся, дождя не будет.

Янь: Тогда зонт не беру! Ты моя кнопочка.

Инь: Ядерная?

Янь: Двухъядерная.

Инь: То-то чувствую: в последнее время у меня крыша едет. Я схожу с ума.

Янь: Подожди, я схожу с тобой.

* * *

Три ночи, и город всё тише жабрами, как уставшее огромное животное. Он кормится загулявшими парами Невского, ночная охота подходит к концу, дичи всё меньше в его железобетонных клыках кровотоцит пословица: не рождаются динозаврами – ими становятся. Зверь медленно засыпает. Его мощное тело смыло с дорог транспорт. Пар стало заметно меньше, всё больше одинокие путники с пивом в руках, вот и вся ночная романтика, на берегу Невы, мраморными губами зализан. Под светомузыку жёлтых светофоров, которые мерцали на перекрёстках своим безразличием к ПДД, я доехал до дома. Я бы тоже мог уснуть и стать доисторическим ископаемым, но мысли, чёрт бы их побрал, будто жажда ночной жизни, даже третьему глазу не даёт сомкнуться. Деградирую, это и есть эволюция, я чувствую в себе динозавра, как город в ночи, я тоже не досыпаю. Я заглушил двигатель, достал из сумки бутылочку пива, и луна качнулась мне одиноким светильником. Перед домом был сквер, разрезанный по диагонали асфальтом. Я нашёл точку зрения, через лобовое наблюдая, как по дорожке шла женщина. Женщина как женщина. Надо же было куда-то смотреть. Неожиданно две тени догнали её, выдрали сумку из дамского гардероба и рванули в мою сторону.

«Трус!» – отозвалась во мне тихо честь.

Женщина завизжала, в голове её пронеслись вслед за испугом наличные цифры, мысли о том, что надо будет сейчас звонить в банки и заблокировать карты, что хорошо, что наличных было немного, что успела вчера оплатить квартплату и школу сыну. Я сделал глоток, будто это могло их остановить. Схватился за ручку двери, чтобы открыть дверь и броситься навстречу злу. Но потом остановился. Далась мне чужая сумка, с чужими средствами: бросать пиво и бросаться им наперерез не было никакого желания. Хорошо, что пиво успело охладить мой ум: во-первых, все живы, во-вторых, биться и погибнуть за чьи-то деньги не хотелось. «Трус!» – крикнула во мне тихо честь. Я просто посигналил преступникам в клаксон и поморгал фарами. Те испугались, бросили кусок кожи и скрылись. «Неплохо, это был тот редкий случай, когда свет победил тьму», – почувствовал я себя супергероем, выпрямился, допил пиво и закрыл от удовольствия глаза. Поцелуев не было, не было даже аплодисментов. Испуганная женщина подобрала своё и поспешила прочь. Я долго смотрел ей вслед, пока взволнованное тело не провалилось в темноту домов, квартир, где уже скоро она набирала номер своей подруги, взахлеб рассказывая о происшествии и проверяя содержимое сумочки, пересчитывая купюры и с радостью обнаружив кредитки среди скидочных карт: козыри остались на руках.

Надо было тоже идти домой, но не хотелось. Улица оказалась тем самым местом, где сейчас было свободно, спокойно и тепло. А дома, на цыпочках, надо будет искать парковку своей заднице и засыпать подворчание жены. Я ненавижу ходить на цыпочках в своём доме, где каждый шорох режет сознание, будто кусок штукатурки отваливается от твоего личного «я». И вот уже как скелет, неслышно восставший из могилы ночи, ты должен сделать все свои

дела в потемках, чтобы залечь обратно. Она отвернётся от меня как обычно, я постараюсь обнять жену сзади и буду нести чушь. Я не любил, когда она не понимала меня, мне не хотелось объяснять ей, почему я так долго ехал к дому, это было бы пустой тратой времени, хотя начинал мысленно делать это, как правило, поднимаясь наверх в лифте. Я смотрел на себя, на лице выступило чувство вины. «У вас усталый вид, – читал я в отражении. – Я знаю, вы не виноваты. Счастливчик?» «Был таким, чего о нём, о виде, – старался я улыбнуться своему отражению, – теперь не скажешь, вряд ли где-нибудь когда-нибудь кто-либо сможет искренней меня его любить».

Места рядом с парадной не нашёл, припарковался напротив дома, через дорогу. Открыв дверь, я вышел из машины, щёлкнул сигнализацией. За гендерными пришла пора политических мыслей: по сути, строй наш так и остался рабовладельческим, сотканный из наживы и похоти, промышленности и женщин. «Ты сексуальная машина, – снова я вспомнил жену. – Будь я механиком, поменяла бы кое-какие запчасти». Не принял я ещё один её вызов. Пешеходный переход твердил постоянно, что он разрешён и буквально тут же – что завершён. Он чирикал высоким голосом в ночи, водрузив свой триколор над небольшим островным государством пешеходов, было немного не по себе, не знаю, что меня мучило. Видимо, недомогание того, что я не помог чего-то сегодня или в этой жизни в целом. Переход из молодости во взрослую только что был разрешён, а теперь уже завершён. Я как будто бы не успел. И вот уже я взрослый мужик, сижу с бутылкой пива на скамье абсолютно один. Вместо солнца – фонарь. Смотрю на поплавок своего смысла жизни, а тот не шелохнётся, сколько не прикармливай золотую рыбку. Даже плотва, и та не берёт. А жаль, вобла сейчас не помешала бы. И дело не в наживке, нажито не мало, вполне достаточно для достойной молодости своих потомков. Говоря о своей старости, я внимательно посмотрел на землю, там одинокий ночной муравей метался в поисках между пивных пробок и хабариков. «Как я тебя понимаю, и то и другое бросить одновременно трудно». Я бросил курить и начал пить. Не в глобальном смысле, в сиюминутном. Затушил сигарету и достал ещё бутылку пива.

Марина вернулась домой, в голове навязчиво крутилась мысль «Когда ты придёшь?», которую она отпустила куда подальше после второго неприятого вызова, в ногах кот: «Согласна, тебя он любит больше, но тебя нет ещё». «Я тебя ждать не стала», – в желудке Марины угомонился шницель. В стол воткнула бокал, наполовину пустой: «Ты можешь назвать меня пессимисткой, но в бокале вино, а не простая водичка». Села за комп, как за стену, за которой ей было хорошо, за которой она могла спокойно вздохнуть, почесать клавиатуре лобок, подразнив этим самым прохожих личной страницы. «Знаешь, как бы я тебя назвала – уют», – ей было неуютно без мужа. – «Надеюсь, что ты помнишь, мы собирались на дачу к опятам в эти выходные», – она встала и прошла по гостиной.

Она уткнулась в стекло ночи, лоб почувствовал прохладу окна, которая, судя по всему, собиралась провести с ней остаток вечера. В руке телефон, в ушах тяжёлые серьги долгих гудков. Это ли не повод сварить себе чай. Чай был скучен, однообразен, печенен, фарфорен.

* * *

– Где ты был?

«Где ты был, где ты был, где ты был, CD твоих вопросительных глаз крутят одну и ту же песню, ты хочешь контролировать мой ускользающий шаг, каждый из которых даже мне не известен. Зачем тебе это? Ты забросила ради этого свою жизнь, посмотри, она погибает без внимания, не только тебе одиноко», – молча глядел я на свою жену. Она была в своём репертуаре, в своём гардеробе. Единственное, что нас сейчас сближало – она тоже была немного не в себе.

– Где ты был?

«Дай мне выйти из пальто, покинуть обувь, штаны, влить в себя кухонную теплоту, вместе с чаем, раз нет твоей, а потом выпрашивай».

– Где ты был? – в третий раз солировала моя законная супруга.

«Там, где меня уже пустота, полное отсутствие. Где я был? С кем я был? С кем-то из проходивших людей, с городом, с небом, с улицей, с пивом, если ты настаиваешь, я тебе расскажу, только сделай потише музыку своей занудной пластинки», – вспомнил тот самый диск, который вставляют в нижнюю губу африканским женщинам племени Мурси. Пусть даже этот диск уже платиновый, и сделан миллион тиражей. Поставь на предохранитель свой контрольный выстрел, я вижу, что ты здесь безумствовала одна. Некоторые безумствуют когда одни, чтобы продолжить это вдвоём, нервно и тускло. Неужели мы тоже из таких?

– Можешь не отвечать. Мог бы и не приходиться, – махнула на меня рукой жена.

– Мог бы, но у меня проблема. К кому я ещё могу обратиться с ней, как не к тебе?

– Я это заметила, как только мы поженились. В чём проблема сейчас?

– Я слишком тонко начал чувствовать тебя. Тоньше, чем твоё летнее платье, срывающееся с плеч. Я знаю, у платья нет задницы, но оно умеет сидеть, так же хорошо именно там, где я предпочёл бы лечь, – подхватил я её на руки и поцеловал в грудь. Меня качнуло, и мы едва не свалились прямо в коридоре. Хорошо, что стены. Они держали эту пару, этот дом, этот брак.

– Ты пьян? – освободилась от моих лап жена.

– Наверное, я не в курсе.

– От тебя несёт пивом.

– Ну и что? Не прими это за пошлость, но она прикоснулась к истине.

– Кто?

– Мораль, как холодная гувернантка, будет охранять моё любопытство, до тех пор пока ты не бросишь ей платье приманкой, только тогда она испарится.

– Три часа ночи, можно попроще.

– Хорошо. Возможно не суждено нам умереть в один день, нянчить детей горластых в просторном доме. Сегодня я готов служить твоей тению: томной, безжалостной и опасной: я разведу костёр прямо на твоём сердце из отсыревших тревог и розового кокетства.

– Похоже на признание в любви. Давно ты это в себе носишь?

– Нет, неделю назад приклеилось после презентации очередной книги. Ну, ты помнишь.

– Помню, когда тебя привезли без чувств.

– Нет, чувства у меня были.

– По-моему больше было алкоголя. Хорошо, что ты не видел, какая я была злая.

– Да, жаль... что не видел. Мне нравится, когда ты злишься, такая сексуальная.

– Много тогда выпил?

– Нет, не очень, но когда я блевал, я подумал: неужели в этой жизни своё уже выпил и в меня больше не лезет, когда я смотрел, мне уже ничего не нравилось, организм отказался исследовать жизнь через твои разрезы, когда я разлюбил, я подумал, неужели в этой жизни я мог так ненавидеть кого-то, я трезвел, а ты натягивала колготки, – начал я сочинять на ходу, придавая своим движениям ещё более пьяного оттенка.

– В ванную и спать, – скомандовала жена.

– Как мама? – вспомнил я, что у меня в доме завелась теща.

– Надеюсь, что не слышит.

Мы спали точно по-моему сценарию.

* * *

Инь: Я знаю, что любая девушка для тебя – словно бутылка вина: выжрал, оторыгнул поцелуем, вытер губы словами «я тебе позвоню» и пошёл дальше. Но я не одноразовое пойло,

я пьянящий нектар, но для тебя он так и останется безалкогольным, если ты не появишься в ближайшие полчаса.

Янь: С утра мне предложили новость, а я отказался, кто-то скажет: «Дурак», тот, кто не знает, чем я вчера занимался и с кем, скорее всего, я сторонник вечерних, хотя их даже трудно считать новостями, я бы назвал это хроникой, а себя хроническим алкоголиком той самой женщины, которую получал каждый вечер, как божественный дар.

Инь: Что за новость? Я её знаю?

Янь: По-моему, ты начинаешь ревновать?

Инь: Разбежался. Это не ревность, это любопытство.

Янь: Повода нет, я бы даже сказал, поводка. Короче. Приезжай, будем смотреть фильмы и целоваться.

Инь: Да, совсем забыла, что ты будешь делать, если я завтра уеду?

Янь: Куда?

Инь: К маме.

Янь: Буду скучать.

Инь: А ещё?

Янь: Пить, курить, работать.

Инь: А ещё.

Янь: Сильно скучать.

Инь: А потом?

Янь: А потом скучать будешь ты.

* * *

Стальная игла скользила по зелёному сукну, пытаясь более коротким путем покрыть расстояние между людьми, чтобы пришить как можно быстрее отчаливших к встречающим. Скука движет человечеством. Люди по-прежнему продолжают скучать, двигаясь навстречу друг другу. Она ехала к матери. Ехать было двое суток, но Марине никогда не было жаль этих отпускных дней, так как проживала она их в таком приятном покое, в раздумьях широких полей за окном, в долгих чаепитиях дымящих самоварами деревушек. Тем более что аэропорта в её родном городе не было, и пришлось бы долететь сначала до Нижнекамска, а потом ещё до Елабуги поездом или автобусом с полными пакетами гостинцев. Следуя традициям, она не могла возвращаться домой с пустыми руками. С пустым сердцем, да, но без гостинцев – никогда. Хотя мать умиляясь и раскладывая их по шкафчикам всё время нарочито ворчала: «Зачем ты так тратишься, у нас тоже всё это есть».

Марине нравилось лететь по железной лыжне, отталкиваясь палками мелькавших за окном бетонных столбов, то замедляясь до скандинавской ходьбы, то ускоряясь, переходя на коньковый ход. Её забавляло, что будто повинаясь скорости поезда, мысли тоже переходили с галопа на трусцу и наоборот. Дорога отзывалась в голове склеенными кусками полотна, словно это были какие-то мелкие незначительные нестыковки, время от времени происходящие в её жизни.

Утром в купе их стало двое, когда к ней подсела ещё одна женщина. Среднего возраста, среднего телосложения, средней привлекательности, но высокой разговорчивости. Казалось, речь её соревновалась в скорости с поездом, которому тоже было присвоено звание скорого. Дамы уже успели познакомиться и даже разлить пару стаканов прозрачной беседы, огранённых в железную логику подстаканников, за которые они держались, то и дело поднимая, чтобы приоткрыть губы и пригубить, но затем снова ставили на стол, не решаясь открыться полностью. Женщина средних лет, что так элегантно положила свою стройную фигурку на сиденье напротив, была парфюмером:

– Только вы не обижайтесь на меня, если я буду совать нос не в свои дела, это профессиональное. Нос – мой инструмент, им я чувствую людей. На дух не переношу враньё. Я знаю практически всё о тех, с кем общаюсь или просто нахожусь рядом. Представляете, как мне тяжело, о чём можно общаться с человеком, когда ты знаешь, что он ел на обед или пил на ужин. Хотите, скажу вам что у вас было на завтрак?

– Нет, я ещё помню, – вспомнила Марина про яйцо, чай и овсяное печенье. Всё это время соседка крутила в руках воздушный шарик, тот рос на глазах. Скоро создалось впечатление, что их в купе было уже трое.

– Интересная у вас работа. Всё знаете про всех, – постаралась быть гостеприимной Марина.

– Да уж, не всегда это на руку. Да и вредная. Печень уже ни к чёрту. Вот, – наконец надув воздушный шарик, на котором было написано: «Люди, любите друг друга», подвязывала она его лентой, чтобы тот не скис. – Это и есть любовь. Она как воздушный шар: большая, невесомая и притягательная. Стоит только взять её в руки, и сразу становишься человеком без возраста, без принципов и без ограничений. Возьмите, – протянула она шарик Марине.

«Повезло с соседкой», – подумала про себя Марина, но вслух, обняв розовый шар и положив на него лицо, отправила другую фразу: – Какая же она необъяснимо приятная и хрупкая.

– Ага, необъятная, – подтвердила соседка.

«Сейчас точно лопнет, как когда-то лопнула моя», – продолжала размышлять Марина.

– Я бы даже добавила ещё – многообещающая, как всякая суббота. Сегодня же суббота, – уведомила сама себя парфюмер.

«Судя по началу, эта суббота не обещала ничего хорошего. Как же я люблю тех, у кого нет привычки что-то обещать» – всё ещё обнималась с розовым пузырьком Марина.

– Суббота хороша в том случае, если есть кем укрыться и спать дальше, – словно читала её мысли незнакомка.

– Да, остаётся только наслаждаться и беречь её.

– Субботу или любовь? – рассмеялась женщина тихонько.

– Обе достойны. – «И с обеими проблемы» добавила Марина про себя. «Странная женщина, лишь бы не сумасшедшая». – Марина, – протянула она ладонь, возвращая шарик.

– Тома, – оставила за собой шлейф неловкой паузы парфюмер, но тут же добавила ещё, нажав на алый флакончик своих губ, из которого прыснули скороговоркой слова: – Ой, вот что про любовь вспомнила. Сегодня смс-ку от подруги получила: «С таким молодым человеком познакомилась в Интернете! Ты даже не представляешь». Я ей: «Ну, опиши его хотя бы в двух словах». Она мне: «Я влюбилась». Я ей: «А в трёх?» «Ну, в общем, небо затянуто волнением, облака надежд плывут по течению, кофе горяч, времени в обрез, мечты призрачны. Завтра иду в кино. Надеюсь на воскресное прояснение личной жизни», – говорила так быстро Тома, будто участвовала в соревновании по скоростному трёпу. Слова трещали в топке её губ, успевай только подбрасывать дрова. При этом брови её жестикулировали так эмоционально, что казалось, будто это была бегущая строка, в точности повторяющая её разгорячённую речь.

– Тома, вы не против, если я открою дверь? – всё ещё не могла выбрать как себя вести Марина. Лёгкая атмосфера шизофрении наполняла купе. Хотелось немного проветрить.

– Нет, мне главное не простыть. Насморк – это моя профнепригодность. И курево тоже, хотя я иногда грешу. Но редко. По выходным. Сегодня и завтра буду курить. Завтра же воскресенье? – серьёзно посмотрела она на Марину.

– Пустой день, – утвердительно кивнула та.

– Можно целую неделю вынашивать грандиозные планы, чтобы в итоге не родить ни прогулки, одним словом, чтобы взять и никуда не пойти. Потому что волей-неволей думаешь о понедельнике, как о близком человеке, с которым жизнь не сахар, однако без – она потеряла бы

вкус. Может, чаю? – скромно предложила Тома, выгружая из пакета сладости. – Вы не думайте. Вообще-то я сладкое не люблю, но оно от меня без ума!

– Вы пейте, я чуть позже, две чашки кофе утром себе позволила. – С этими словами Марина достала из дорожной сумки планшет и подогнув ноги под себя, устроилась у окна. Пытаясь оградиться от спутницы.

– Волновались?

– Что? Извините, не расслышала.

– Две чашки кофе, вы говорите.

– А-а. Да, нет, одной было не напиться, – соврала Марина. Перед ней снова возник на пороге порок, который не был удовлетворён.

– А я так и не научилась читать электронные книги. Неудобно как-то, страницы какие-то безграничные. Ходи потом глазами по ним, собирай буквы, ищи смысл. Не сосредоточиться.

– Я вообще читать, если честно, не люблю. Планшет подарили, теперь учусь читать заново, – продолжала придумывать Марина. Никто ей ничего не дарил, сама купила, в дорогу, специально для того, чтобы прочесть эту книгу, которая давно уже была скачана и которую она очень долго не решалась открыть. «Но если выбирать между планшетом и платьем, то лучше бы купила себе новое».

– А что за книга?

– Ну, это скорее даже не книга, а дневник одной переписки между мужчиной и женщиной. – Марина включила экран и уткнулась в планшет.

– Интересно? – не отпускала её Тома, заметив на щеках соседки румянец.

– Весьма. Такое впечатление, что написано обо мне от третьего лица.

– Вид сверху?

– Я бы сказала даже – снизу.

– Как интересно.

– Ничего интересного. Язык ужасный, после каждой реплики приходится думать, – уже погрузив свои в жидкие кристаллы экрана, отвечала она, не глядя на соседку.

– Вы меня заинтриговали. Даже чай расхотелось пить, – сначала взяла, потом, помяв в руках, отложила своё sudoku Тома. Она то и дело меняла в руках две книги: сборник sudoku и ещё одну, по-видимому, научно-популярную. Чуть позже Марина разглядела название: «В созвездии рака».

– Хотите, зачитаю немного, – оторвала взгляд от экрана Марина.

– С превеликим удовольствием.

Инь: Ну, мне пора. Спишемся.

Янь: Девушка, вы куда?

Инь: Замуж.

Янь: А что там?

Инь: Не знаю.

Янь: Расскажите после.

Инь: Слишком интимная тема.

Янь: Вам придётся там с кем-то переспать?

Инь: Спать. Разумеется.

Янь: Я думал, жить.

Инь: Безусловно, постоянно переживать.

Янь: Как вам жених?

Инь: Нежно.

Янь: Вам как будто тревожно.

Инь: Конечно, эта мысль не даёт мне покоя. Жду не дождусь этого дня.

Янь: Не волнуйся, скоро распишемся.

Инь: Буду волноваться, как это море любви, что плещется под ногами.

Янь: Ты где сейчас, в метро?

Инь: Нет, я же говорю, сию у моря. Одна.

Янь: Неужели не смогла ни с кем познакомиться? Чем ты там занимаешься?

Марина всё ещё смотрела в экран, где уже, кроме букв, возникло то самое метро, где она чуть не познакомилась с одним молодым человеком, когда они долго переглядывались, пока он не подошёл и не сказал ей что-то приятное, а потом ещё добавил, что она больше никогда не будет ездить в метро.

Это было в метро, её красивое тело было завернуто в осеннее пальто непогоды, скуки, усталости, она держалась за сумочку и слушала подругу.

– Что-то погода этим летом неважная.

– Меня это сейчас не волнует.

– А что тебя волнует? А, вижу, тот молодой человек напротив: то и дело макает тебя в свои синие хрусталики.

Немного их объединяло в тот момент, кроме её серого пальто и его однотонного плаща, разве что застёгнутая в них внутренняя свобода, ведь между ними всё ещё было пять метров дистанции: она была свободна и он, свободы было так много, что им захотелось поделиться ею друг с другом. Но каждый остался в итоге со своей. Во всём была виновата она, Марина, точнее, её бывший.

* * *

Я сидел за столом и рисовал на А4 вытянутое удивлённое лицо. «Понедельник», – подумал я про себя. Вторник почему-то представился одутловатым, с заспанными глазами, среда оказалась женщиной среднего возраста с химией на голове, зависшей в недоумении между вторником и четвергом, последний был похож чем-то на моего редактора: короткий, спокойный, женатый, пятница вышла женщиной вульгарной, но весёлой, с тенями усталости от праздной жизни, она звонила своей близкой подруге субботе, та ещё нежилась под одеялом, то и дело поглядывая на своего сына. Воскресенье было непутёвым сыном субботы и понедельника.

Окно показывало уже полдень и какое-то массовое замешательство молодых людей в один нарядный коктейль. На круглой поверхности которого всплыл человек, громко алкая из трубочки: «Друзья, поздравляем вас с Днём филолога и восточника! Наш концерт»... – убавил звук Макс, закрыв окно и оставив лающего в микрофон юношу за стеклом. Максим снова утонул в своём кресле, по привычке проверил почту.

«Какой день недели?» – спросил я сам себя, потому что Кати сегодня не было.

«Суббота», – ответил мне внутренний голос.

«И в субботу бывают дожди. Ливни души. Раньше по субботам у меня их не было. Раньше суббота не была для меня днём недели, это был день года, будь моя воля, я присвоил бы ей звание дня рождения пожизненно». Писем не было. Никто не хотел работать в субботу. «А какого чёрта работаю я?» – резко выросло моё тело из-за стола, и его сдуло порывом желаний к двери. Пересчитав ногами ступеньки, скоро оно окунулось в тепло весны. Сначала я сел на скамейку поодаль от праздника и стал наблюдать, что делает с людьми музыка.

В фокусе моего зрения танцевала блондинка. Я смотрел на неё, будто бы уже знал о ней всё, а она обо мне ничего. Все так думают, когда знакомятся, полное заблуждение, даже неуважение к тайнам другого. Такие знакомства, как правило, обречены, пусть даже они затянутся и приведут к постели, их ждало фиаско. Я тоже был обречён на провал. «Провалиться здесь? Или дожидаться: “Проваливай!”»? Мне не хотелось знать о ней много, хотелось знать только то,

что она не расскажет мне сама или не даст почувствовать, когда я прикоснусь к ней. Не было желания сводить всё банально к предпоследнему глаголу. Я не хотел проводить по её коже своей ладонью, словно магнитной картой, чтобы считывать всех, кто уже это делал, в этом не было никакой необходимости. Просто она была высока, молода и уже свободно фигурировала в моих мечтах. И речь не только о прекрасной её фигуре. Просто я завелся. Девушка была, видимо, из тех, что создавали вокруг себя броуновское движение мужчин. И кружась сейчас в этом броуновском аду, она парилась в бане весны, отмахиваясь от них. Глядя на танцующую молодёжь, мне тоже вдруг захотелось быть лёгким, непринуждённым, фривольным.

Максим решил приобщиться к торжеству, встал со скамьи, не выпуская из виду женщину-загадку, сделал два шага вперёд, потом вернулся обратно и сел. Ему не нужна была женщина-загадка, ребусов в жизни и так хватало. Нужна была тёплая, нежная, добрая, умная, отзывчивая, родная, в общем, самая обыкновенная русская женщина. «Что за робость среднего возраста, мужик? Бери бабу и делай с ней всё, что ты захочешь, загадка-не загадка, какая разница». Вновь оторвался он от своего базового лагеря и продвинулся сквозь толпу ближе к сцене, к сказуемому, которое как и в школе подчеркнул бы двумя линиями: сисяста и жопаста, которой он готов был сказать нечто важное.

– Сколько можно наступать мне на ногу, – закипела, словно кофе, смуглыми чертами девушка. Он повернулся на голос и потерял из виду мисс-вдохновение, на пути к мечте его остановила другая. Глаза его замерли внизу на красных туфельках, тело остановилось словно на красный цвет. Взгляд медленно поднялся по двухполостному шоссе широких летних штанов, добрался до красной рубашки навыпуск, потом до тонкой шеи, расстегнувшей ворот, через недовольство губ и ювелирный носик к блестящим зрачкам. Девушка была похожа на мальчика. Ниже среднего роста, с тёмными волосами, субтильная и без выражённых женских форм.

– Не замечаете сударь, вы уже второй раз наступили мне на ногу.

– Извините, задумался.

– Что тут думать, вы уже ног женских не чувствуете.

– Вообще-то, это у меня врождённое.

– Что, на ноги наступать?

– Нет, как вам объяснить, дурацкая привычка повторять нелепые движения, не исполнив которые, произойдёт что-то ужасное.

– Издеваетесь? Что ещё ужаснее могло бы произойти? – подняв лёгкую пенку своих томных ресниц, всё ещё била каблучком инфузория туфелька.

– Мы никогда не познакомились бы, – блеснуло в моей голове.

– Никогда – это женское слово.

– А какое мужское?

– Всегда.

– Скучаете? – заполнил я возникшую паузу глаголом.

– Немного. В прошлом году то же самое было. – Чарующая чертовщинка бриллиантового взгляда сверкнула из-под век. В этом блеске не было никакого внутреннего напряжения, так как дело было не в материале, а в идеальной поверхности граней. Раньше я не мог предположить, что глаза могут быть так многогранны. Тонкая изящная статуэтка среди побрякушек была отлита из бронзы.

– И я немного, может, поцелуемся? – дёрнуло меня беспечностью за язык.

– А если бы сказала, что скучаю сильно?

– Ломать чужие чувства, я бы не осмелился, да и пустое. – Снова он уставился на сцену, я опытный, я же понимаю, что с такими ждёт динамо.

– Почему? – внезапно дрогнули её худые плечи.

– Ну вы представьте, в сердце у неё любимый сидит и смотрит, как я бесцеремонно целую его женщину.

– Вы действительно так благородны или прикидываетесь? – вдруг превратились две драгоценные чёрные жемчужины в два дверных глазка, которые начали изучать меня.

– Это вы прикидываетесь, так как я вам безразличен.

– Ну, допустим вы правы, что дальше?

– Девушка, вы прекрасны, давайте жить вместе?

– Вам тесно не будет?

– Нет, квартира моя просторна, в ней много света, к тому же находится в центре.

– Ничего, что я замужем?

– Вам это даже идёт.

– Спасибо, я передам моему ревнивому мужу, – сделала она вид, что ищет его номер телефона.

– Я имел в виду ложь. От вашей красоты не убудет, поверьте, если мы проживём счастливо вместе пятнадцать минут в одном уютном кафе. Я же вижу, что вам здесь уже надоело.

– Как вы можете это видеть?

– Вы постоянно поглядываете на телефон. Ждёте звонка?

– Нет, не жду. Поэтому и смотрю.

– Вам не надоело здесь? Может, прогуляемся по набережной?

Она промолчала и двинулась вперёд.

Приняв это за согласие, я догнал её и спросил:

– Вы на кого учитесь?

– На переводчика, на отделении испанского языка.

– Долго ещё?

– Мне девятнадцать, если вы об этом.

* * *

Инь: Смотрю на звёзды. Волны туда-сюда, туда-сюда, бьются о скалы моих принципов: как бы хорошо не укачивали, спать хочется по любви.

Янь: Со мной?

Инь: Как ты не понимаешь, мне нужна забота. Прежде чем расстегнуть платье, научись застёгивать пальто.

Янь: Застегну, как только приедешь. У нас тут уже похолодало. А в моей постели вообще дубак.

Инь: Я рада, что тебе тоже не с кем спать.

Янь: Теперь я знаю, чем тебя можно взбадривать.

Инь: Видишь, какая я сложная.

Янь: С другими всегда было проще, чем с тобой.

Инь: Чем проще?

Янь: Я их не любил.

В этом месте Марина сделала паузу и большой глоток воздуха, будто ей надо было закусить это место чем-то, хотя бы кислородом. Она посмотрела на Тому, и та заметила некоторое смятение на её лице. Тома шмыгнула носом и заправила прядь волос за ухо, будто намекая, что слушает всё ещё внимательно. Марина продолжила читать вслух.

Инь: А меня, ты будешь меня любить?

Янь: Я всегда тебя любил.

Инь: Физически.

Янь: Да, я буду драть тебя как сидорову козу.

Инь: А пасти? Ты будешь меня пасти?

Янь: Да, я знаю одно отличное пастбище.

Инь: Я имела в виду – охранять от других.

Янь: Да, спрячемся от них в постели.

Инь: Ты когда будешь?

Янь: Скоро, очень скоро.

Инь: А быстрее можешь?

Янь: А что случилось?

Инь: Мне нужно срочно тебя поцеловать.

Янь: Я же тебе оставлял немного своих маринованных поцелуев.

Инь: Если ты про засос на моей шее, то он уже давно устарел, мне нужны новые.

Янь: Вечером.

Инь: Всё лучшее случается вечером.

Янь: А чем тебе утро не угодило?

Инь: Утро – это восстание против сна. Тем более когда на небе ни солнца. По всему окну дождь.

Янь: Что с настроением?

Инь: Дождит.

Янь: Погода плачет без повода, а ты держись. Может, двинем в какую-нибудь тёплую страну?

Инь: С твоей работой легче будет пододвинуть эту страну к нам.

Янь: Что тебе снилось?

Инь: Сегодня я плыла по течению, ни с кем не спорила, ни за кого не цеплялась, в конце концов меня прибило к твоему берегу.

Янь: Я бы даже сказал, выбросило на берег.

Инь: Скажи ещё, что я бревно... в постели.

Янь: Чёрт, ты же только что так прекрасно плыла по течению. Продолжай, не цепляйся.

Инь: Я уже зацепилась за твою щетину.

Янь: Так отцепись на время. Обещаю побриться.

Инь: Как у тебя всё просто. А как же верность? Её не отбрить.

Янь: Да. Верность – одно из столь редких качеств, которое мешает познавать мир.

Инь: Мне пока нет. Верность моя живёт именно там.

Янь: Именно где?

Инь: В парке оргазмов, где можно гулять только тебе.

В этом месте Марина остановилась.

– Сплошные шарады. Но интересно. У них такая манера общения, занятная, – ответила на немой маринин вопрос Тома. – Я, правда, не поняла, она у моря или где?

– Разве это важно?

– Для таких безумцев важна каждая деталь. Марина с опаской посмотрела на Тому, потом на её шарик. Мимо их купе прошла проводница, она несла кому-то чай. С открытой дверью было спокойнее. Марина всё время прерывала книгу, собственные мысли не давали ей покоя. Она никак не могла поверить, что люди способны так общаться, словно они жили в каком-то другом измерении, без дома, быта, тесных отношений. Не то что им некогда было трепать друг другу нервы, просто делали они это настолько изящно, что это стало больше похоже на прелюдию перед утомительной возвышающей битвой любви, нежели на выяснение отношений. Макраме их лёгкого общения постоянно заставляло находить какие-то новые оригинальные узелки для выражения собственных радостей и тревог. Сначала книга её раздражала тем, что

была далека от её реальной жизни, тем самым засасывая всё глубже и глубже в свою праздную игру слов. Увлекая в диалог двух культур, двух противоречий, двух полостей чувств.

* * *

Янь: Ты уже спишь?

Инь: Лечь спать без тебя всегда было трудной задачей.

Пришлось позвать друзей.

Янь: Каких ещё друзей?

Инь: Кофе и бессонницу.

Янь: Не спится?

Инь: Даже не живётся.

Янь: Что так?

Инь: Ничто не могло спасти меня от любви, поскольку безрассудство овладевало мной именно в те лирические моменты жизни, когда надо было обладать трезвым умом, чтобы не вляпаться, не стать героиней нового романа.

Янь: Любовь, как правило, переживает три периода эволюции: до, после и вместо.

Инь: Ну так вы меня проводите после?

Янь: А кофе будет?

Инь: Да, только растворимый.

Янь: Главное, чтобы крепкий.

Инь: Хорошо, мы дойдём до моего дома, потом я крепко пожму вашу руку и растворюсь.

Янь: Только и всего?

Инь: Вы слишком внимательны. Меня это пугает.

Янь: А вы слишком догадливы. Теперь я хочу с вами не только переспать, но и пережить.

Инь: Вы не знаете, чем можно поразить порядочную девушку наповал?

Янь: Порядочную? Наповал? Ничем.

Инь: А я думала, что вы волшебник.

* * *

Он шёл по набережной от припаркованной машины, в которой, как оказалось, оставил всё тепло, потому что ноги его сразу же обнял холодный ветер, тело накрыл мокрым плащом дождь. Максим хотел забежать в магазин, что-нибудь там перехватить к чаю, так как не успел позавтракать или, точнее сказать, не захотел.

Насморком разбило всё небо. Текло рекой. У погоды был рыбный день. Минтай хлестал по щекам колючим хвостом. Холодный дождь обжигал лицо. Минтай оказался замороженный, так как капли дождя неожиданно перемешались со снегом. Мокрые белые крупные хлопья, словно видение, не могли не радовать... Не могли и не радовали. Максим забежал в казённое тепло и снова почувствовал себя человеком. Стал бродить между полок, прикидывая, какие из продуктов могут быть полезными для него, долго высматривая добычу. Брал в руки, разглядывал, пытаясь достать истину из мелкого шрифта на упаковке. Наконец выбрал какое-то печенье и кинул небрежно на металлическую решётку корзинки, прошёл дальше, потом выложил обратно, решил, что сладкого и так много в жизни, надо взять что-то существенное и ценное, полезное. Подошёл к прилавку с рыбой.

– А что есть из свежего? – без приветствия, начал он, не глядя на хозяйку отдела.

– Минтай свежий.

– Спасибо, минтая больше не хочу, – усмехнулся Максим и в доказательство провёл ладонью по своему лицу, стряхнув на пол дождь.

– На улице всё ещё поливает? – провела она по нему своим взглядом, словно полотенцем, пытаясь стереть с него ледяную воду. Лицо её напоминало цифру 99. Удивлённые круглые глаза и асимметрия на голове, будто ветер всю ночь дул с юга на север, оставив вихры волос вздёрнутыми в одну сторону. Чтобы достичь стопроцентного счастья, ей, как и многим, не хватало одного.

– Да, чёрт-те что. Что она себе позволяет эта погода. Совсем распоясалась. А икра есть? – смотрел в глаза продавщице Максим, которая тихо улыбалась: «Клеит что ли?», сомневаясь, что покупатель в себе. Я был в себе. Просто это был мой стиль общения, и это совсем не значило, что я хочу из себя проникнуть в неё.

– Минтая?

– Нет, обыкновенная.

– Красная?

– Да, обыкновенная красная икра.

– Камчатская.

– Хорошая?

– Замечательная.

– Давайте баночку, нет, даже две.

– Это всё? – многозначительно взглянула на Максима продавщица.

– Да, пожалуй, – вспомнил я, что меня уже ждут в офисе. Кинул в корзинку еду, взял ещё хлеб и масло в другом отделе и подошёл к кассе. За кассой сидел мужчина. Иногда хотелось узнать историю, краткую биографию человека, проследить, что могло этого приятного взрослого, от тонкого восточного лица которого веяло изящным самаркандским орнаментом, привести сюда. Хотелось окунуть своё лицо в его жизнь. Пальцы мужчины, длинные и тонкие, которые могли бы пересчитывать клавиши на фортепиано, отсчитали сдачу. Может, он и был когда-то пианистом, я не спросил, может, и был, но судьба распорядилась иначе. Скоро я вернулся в непогоду. На душе было теплее уже, в машине тоже, только открыв, дверь я обнаружил, что корзинка так и осталась в моих руках. Возвращаться не хотелось, я бросил её на заднее сиденье и сел за руль, странно улыбаясь.

* * *

Янь: Какой прекрасный день!

Инь: Какой?

Янь: Вторник.

Инь: Вы, наверное, счастливый человек? Вы умеете получать кайф от вторника.

Янь: Сегодня я в вас влюбился.

Инь: А вы именно меня любите?

Янь: А вы сомневаетесь?

Инь: Нет, сомнения дают пищу для взаимности.

Янь: Вы так полагаете?

Инь: Я так чувствую.

Янь: Меня?

Инь: Чувствую ли я тебя? Я даже слышу, как ты отламываешь печенье, сейчас, сидя за столом на своей кухне, за чашкой чая. За ней ты прячешь своё желание и ждёшь моего звонка. Желание твоё настолько сильно, что я не могу не появиться там, где меня ждёт моя вторая половинка... печенье.

* * *

Осень равнодушно моросила, вызывая непонятное чувство грусти у тех, кто был по ту сторону стены. Я пытался смотреть в окно, но глаз не цеплялся, ему больше нравилось другое окно, в котором женщины брали высоту с шестом – шёл чемпионат мира по лёгкой атлетике. Девушка сбила планку и рухнула на маты с пятиметровой высоты, несмотря на неудачную попытку, она пыталась улыбаться. Откуда у них, у женщин, берутся силы улыбаться после падений? Мне хотелось спросить об этом у девушки, что уже подобрала свой шест и ушла со сцены. Как научиться держать хорошую мину при плохом прыжке? А может, у них не так всё плохо, по крайней мере есть шест, на который можно опереться при любой, даже самой неудачной попытке, по крайней мере, они могут ходить в трусах и в майках, в то время как мне было холодно даже сидя в кабинете в джинсах и свитере. Отопление молчало. «Придётся топить чаем».

– Ты чего такая, грустишь? – спросил он у секретарши, которая погрузила кабинет в аромат чая.

– Осенняя депрессия.

Максим сразу же вспомнил вчерашний диалог с Алисой:

«– Ты чего такая грустная?

– Я не грустная, я голодная».

Вот она – разница между твоим и не твоим, точнее сказать, твоей и не твоей, между любовью и привязанностью, между независимостью и подчинённостью, между чувством юмора и чувством собственного достоинства.

– И долго ты собираешься грустить? – посмотрел он в окно, будто хотел удостовериться ещё раз, что там действительно осень. Там всё было несколько мягче, чем в действительности. Важно, с какой стороны стекла ты находишься. Когда ты в тепле, за осенью можно наблюдать как за явлением, приятным и ностальгическим. Сегодня ветер был особенно страстным, ещё совсем недавно осень смущалась, краснея, а теперь даже не сопротивлялась, она сдалась, ей было приятно, как он срывает с неё последнюю одежду, последние листья.

– Пока не включат.

– Тебя?

– Отопление, – усмехнулась Катя. – Осенью день идёт за два до самого октября, пока не дадут.

– А в октябре дадут? – уже не сдержался и засмеялся я.

– Вы невыносимы, – дошло до Кати.

– Тяжёлый, это правда. Да и некому, в такую погоду, – улыбался я. – Осень! Какое пакостное время года однако, – попытался поддержать цинично настроение подчинённой Максим, понимая, что настроение испорчено вовсе не этой осенью, и он даже боялся предположить, какой. Но ему не хотелось лезть в её личное, тут со своим как бы справиться. Осенью хорошо быть семейным: ты крутишь фарш, она лепит пельмени. Идиллия. Совсем другое дело одиноким: она крутит хвостом, ты лепишь горбатого, а пельмени ждут вас в ближайшем ночном магазине, если дело до них дойдёт.

– Максим Соломонович, можно вам личный вопрос? – оторвала Катя меня от пельменей.

– Так рано?

– Вы всё время в окно смотрите, может, знаете, куда птицы подевались?

– На юг.

– А зачем?

– За тёплыми вещами. Вот, сделай бутербродов, создай настроение, – выложил он из пакета еду, усмехнулся сам себе, вспомнив о корзинке, и снова посмотрел на секретаршу.

– Откуда такое богатство?

– Так, наметал за ночь.

Катя не засияла, не прыгала от счастья, иногда мне казалось, что радоваться она не умела, вот она, настоящая русская сдержанность, скромность, достоинство, гордость, за которыми мы хотим научиться радоваться жизни. Чёрта с два, это менталитет, против него не попрёшь, из него выстроены крепости между нашим прошлым и будущим. Прошлое велико, будущее громадно, а настоящее всегда где-то между. Промежность, а не настоящее. Очаровать нас не так легко, как разочаровать, кем бы ты ни был: футболистом или президентом, рабочим или капиталистом, мужчиной или женщиной, сверху или снизу. А может, я преувеличиваю, как и всякое обобщение предмета, возможно, просто Катя стояла с другой стороны стекла, у неё была совсем другая осень, внутренняя. Она положила на поднос трофеи и развернулась, оставив на столе кофе и блеснув бёдрами, затянутыми в кремовую юбку, вышла из моего пространства.

Я вышел из кресла, взял в руки кофе и пододвинул к себе ногами окно, на его подоконнике стоял небольшой телескоп, который мне как-то подарили на день рождения вместе с переплавленным эпитетом Маяковского: «Если звёзды зажигают, почему бы не зажечь свою?» Я провёл пальцем по гравировке и посмотрел в глазок, на пороге стояла она, грустная и сутулая. Осень снова постучалась в самую душу. Она барабанила то дождём, то пыталась проникнуть в тепло порывами ветра, то скреблась высушенными листьями, словно это были письма, написанные ещё весной прекрасной незнакомке до востребования, но до сих пор непрочитанные.

Когда-то незнакомкой той оказалась жена, встретились они в сентябре, который явился последним совращением лета, когда листья уже начинают мёрзнуть, смущённые избытком любви, когда птицы уже оформляют шенгенские визы и сбиваются в стаи, когда утро бодрит, загоняя в метро работающих прохожих, когда все понимают, что эти этюды – походка танцевавшего лета, которой оно уходит. Он уже плохо помнил, что именно сказал той девушке, но видимо, что-то очень важное для неё, для её самолюбия, то, чего она давно не слышала, а может быть, даже никогда.

* * *

– Это было 14 сентября, в субботу, я гуляла одна в парке возле университета, перебирая под ногами листья, самые красивые из них собирала зачем-то в букет. Вдруг меня задержал один молодой человек, он спросил: «Никогда не видел женщин настолько душевных и тёплых. Что вас делает такой чувственной?»

– Ух ты, как неожиданно, – вздохнула Тома. – Ты, значит, с букетом, изящная вся, он галантный, как пальто из кашемира, я представила. И что же ты ему ответила?

– Я всегда на грани нервного срыва, – соврала Марина фразой, только что вырванной из книги. На самом деле она банально спросила: «Мы разве знакомы?»

– У меня тоже было как-то одно очень романтическое осеннее знакомство.

Марина не слушала. Она смотрела на Тому молча и думала, откуда у этой маленькой хрупкой, нисколько не примечательной женщины такой багаж личной жизни, и ведь ей нисколько не тяжело с ним ходить. В то время как всю её, Маринину, жизнь, можно было сложить в один ридикюль или даже в визитницу, где она смогла бы поглядывать из отделения для мелочи на кредитки лучшей жизни, а может быть, просто отпечатать одной фотографией в пропуске на работу, чтобы поздороваться с вахтёром и лечь обратно на дно к связке ключей от дома.

– Так вот, – не терпелось поделиться своей историей Томе. – Он пригласил меня в кино. Вы же знаете, что творится в голове женщины, когда к ней подходит симпатичный молодой человек?

– Не знаю.

– Ну, как же, она отключается, творить начинают совсем другие уголки тела. Он смотрел на меня, не отвлекаясь ни на искренность Билли Холидей, что звала нас в свою Америку сороковых, ни на свой «Гиннесс», который уже остыл в бокале.

Марина понятия не имела, кто такая Билли Холидей, но прерывать Тому, вспомнив, что «Гиннесс» вроде как сорт пива, не стала.

– Вечер его был посвящён одной. Некоторые, возможно, захотели бы посвятить ей жизнь, он нет, да и у меня не было столько времени для выяснения симпатий.

Я сидела за стойкой с махито. Он подсел и спросил напрямую:

– Я вам нравлюсь? – пододвинув в мою пользу вазочку с чипсами.

– Нет, – ответила спокойно и достала один сушёный листок картошки.

– Я так и знал, что вы согласитесь со мной прогуляться по осеннему лесу, – дыхнул он на меня и погрузил в кумар тёмного солода.

– По лесу?

– Да, пошуршать листьями.

– Вы с ума сошли, никуда я с вами не пойду. Тем более в лес. Тогда, знаешь, что он сделал? – посмотрела она заговорщицки на Марину. – Он сказал: «А не надо никуда ходить». И насыпал жёлтой листвы под наши ноги.

– Какой листвы?

– Чипсы.

– Странный, – не поняла находчивости того парня Марина.

– Чипсы похожи на листву сушёную и они шуршат, если на них наступить.

– Аа, забавно. И что ты ему ответила?

– Зачем я вам, у меня столько недостатков.

– Что-то я не заметил. Каких?

– Я красива. Я умна. Я кусаюсь.

– А потом? – посмотрела Марина на острые зубки Тома и представила, как та кусается.

– А потом мы пошли в кино.

– А вот я так и не научилась кусаться, – с грустью заметила Марина. «Может, поэтому уже давно не была в кино».

* * *

Солнце заходило ко мне, проведать, будто больного лучевой болезнью, то и дело открывая свою солнечную дверь и наполняя комнату ярким светом. Всякий кабинет чем-то напоминает палату: если ты работаешь с утра до вечера, ты, конечно, похож на больного, бесконечно ищущего пути выздоровления. Таким людям ничто, кроме работы, не доставляло большего удовольствия. Я к ним не относился, хотя у солнца было своё мнение на этот счёт, но по крайней мере я его ещё замечал. Ещё бы. Сила этой плазмы не сравнится по влиянию на настроение ни с какой комедией.

– Катя, у тебя есть «Свободное время»? – спросил я по телефону секретаршу.

Скоро Катя принесла свежий журнал.

– Читали уже? – посмотрел я на мужика, который показывал мне время с обложки ноябрьского номера. На часах его соответственно было 11. Я посмотрел на свои, следуя их логике, там был уже январь. Часы были визиткой журнала, менялись только руки мужчин и женщин и бренды механизмов точных. Сначала журнал мне нравился, потом я стал покупать его по привычке, точнее покупала моя секретарша. «Свободное время», выстроенное из современных материалов, помогало скоротать его.

– Только после вас, Максим Соломонович.

– Катя, вы тоже не любите б/у?

- Нет, – не поняла моей иронии Катя, но хихикнула.
- А что вы любите, Катя?
- Настоящих мужчин.
- Но ведь настоящие, как правило, тоже б/у?
- Меня интересуют исключения.
- Девственники?
- Я не понимаю о чём вы, Максим Соломонович.
- Я сам себя порой не понимаю.
- Похоже на стихи.
- Да, именно в таком состоянии непонимания люди начинают мучиться стихами. Но я не хотел бы.
- Почему нет? Я думаю, у вас получилось бы.
- Муза нужна, понимаете, Катя, для стихов нужна муза, – вспомнил я утреннюю Алису:
«– Вместо звонка будильника, я услышала кожей твой поцелуй. На третий уже проснулась. Я не хотела пропустить этот спектакль.
- Значит, лучший будильник – это поцелуй.
- Да, если бы не одно но.
- Что за новость?
- Я тебе изменила. Считается ли изменой сон с другим?
- У вас это серьёзно?»
- А как же жена? – между прочим прыснула яду Катя.
- Она же жена, а я говорю про музу.
- По-вашему, жена не может быть музой?
- Может, но тогда она перестанет мыть посуду, забудет кормить детей, станет ещё капризней.
- Знаете, чем грозит женщине жизнь с нелюбимым человеком?
- Потерей ориентиров, отсутствием удовлетворения и прочее климатическое.
- Это всё ерунда. Главное – она становится бесчувственной.
- Я ещё раз посмотрел на Катю.
- Это чьё? – уязвила меня цитата.
- Вашего друга Томаса.
- Чёрт, он уже наследил в вашем сознании, Катя.
- Надеюсь, это хорошее наследие. Я свободна, или что-то ещё? – вернула меня Катя в кабинет, где я нашёл её гордое лицо.
- Пока всё. Спасибо за журнал.

* * *

- Я влюбился в этот день ещё с детства, потому что в этот день всё можно было задвинуть до воскресенья. В окно заливался свет, никто не собирался вставать, на лицо были все признаки субботы.
- А что с понедельником?
- С понедельником у меня были особые отношения: он меня недолюбливал, я его тоже. Он приходил и начинал мне напоминать о работе. Мне было чем ответить: ему не нравилось, когда я сравнивал его со вторником или того хуже с четвергом. А дело в том, что все мы были по уши влюблены в одну роковую женщину – субботу. Вот с кем легко и непринуждённо текло время. Вот с кем хотелось провести всю жизнь.
- Знаешь, что я заметила: в субботу ты меня любишь больше.
- Сильнее?

– Да, сильнее чем работу, – улыбнулась она мне, когда я, жадно глотая воздух, разомкнул объятия и свалился с неё на спину. – Наелся и пошёл?

– Я здесь.

– Ушёл в себя, – погладила она нежно моё всё.

– Ага. Хозяйство пришло в упадок, – поцеловал я плечо Алисы.

– Поел, убери за собой посуду, – слышал я как она смеялась сквозь моё забытьё и отвечал ей:

– Не мужское это занятие.

– А какое мужское?

– Кофе будешь?

– Давай.

– Сахар нужен? – поцеловал я её в шею.

– А ты, уходишь? – тоже несла она какую-то околесицу.

– Ну куда я могу от тебя уйти?

– Куда уходят мужчины, к другой.

– Это было бы слишком просто, а я не ищу лёгких путей.

– А какие ты ищешь?

– К морю. Я хочу там жить.

– Так едем!

– Мы же только что оттуда. Не многовато ли тебе будет?

– Я за множественный оргазм.

– Сегодня он обеспечен, ты же помнишь, что вечером идём в гости.

– Какого чёрта сегодня тащиться в гости, когда можно дома разлагаться спокойно, заняться с тобою собой, к примеру, – положила лицо и обе ладони на мой живот Алиса, будто хотела врасти в меня.

– Снова любовью?

– Безумной любовью.

– Я сам не понимаю, зачем мы туда напросились, особенно ты, придёшь, протянешь свои красивые стройные ноги под обеденный стол. Там они будут бесполезно скучать, в обществе других – худых или массивных. А в губы будешь заталкивать салаты, горячее вилок и заливать шампанским.

– Надеюсь, что там будет вкусно.

– Ну что, ты готова?

– Почти, – всё ещё лежала она в постели с закрытыми глазами, потягиваясь как кошка.

– Не забудь свои инструменты.

– Какие инструменты?

– Ну, там обаяние, шарм.

– А может быть, всё-таки не пойдём?

– Поздно, тем более надо человека поздравить.

– День рождения – это святое. Тем более там можно поесть.

– Ты же такая сдержанная за столом.

– Ты не знаешь, насколько неприлично я могу себя вести, даже я сама не знаю. Я бы сказала, что эта величина напрямую зависит от силы моей влюблённости. Только перестань улыбаться, это делает тебя ненадёжным, даже безответственным.

– А что такое ответственность, по-твоему?

– Не знаю. Знаю только, что она должна отвечать на все мои вопросы.

– Ты хорошо спала?

– Бывало и лучше, – засмеялась Алиса, встала, потянулась, и скоро я услышал какую-то знакомую песню из душа.

* * *

Я взял номер, вошёл туда, будто в роскошный номер отеля с колоннами и фотографиями на стенах. Пахло свежим ремонтом. В номере было буквально всё: от средств гигиены до руководства по эксплуатации собственного внутреннего мира. Пена для бритья в руках лакированного человека с щетиной мужества на одной странице, люди на баррикадах с пеной у рта на другой, снова обтянутый пиджаком молодой человек теперь уже у машины. «Он так и не побрился». Захотелось взять и вытряхнуть из журнала всех гламурных мальчиков и девочек и посмотреть, как они приживутся в реальном мире, оставь их без глянца. Мир хотел бриться, избавиться от щетины войны, голода, холода, недомогания. Цирюльников на земле хватало, каждый из них обещал комфортное бритьё, держа лезвие у самого горла клиента, почесал я шею. Чем я не клиент, пусть даже сижу в кожаном кресле со своим делом вокруг, такой же клиент. Все обещали, все мне обещали идеальное бритьё. А если они напортачат, то главное – успеть посмотреть с укором на соседа, и заставить посмотреть на него с таким же укором всех остальных цирюльников. Номер был скучный, мне вдруг стало жаль свободное время. Скуку оборвал телефонный звонок.

– Отправил тебе сборник рассказов, как и обещал.

– Перешёл на малые формы? – вдруг вспомнил Максим о своей Алисе. Миниатюра, да и только.

– Ну, я же тебе давно говорил, что дело совсем не в форме, а в содержании, – словно был давно уже в курсе его нового знакомства Томас.

– Я про новую книгу, – засмеялся я в трубку.

– Я тоже, – зеркально отразился мой смех в трубке смехом писателя.

– Ну, что я тебе могу сказать, рассказы читаются быстрее. Правда, я ещё не все осилил.

– Чувствую, ты мой самый благодарный читатель.

– Скорее, самый благодатный. Каждый рассказ – как маленький роман, видимо, совсем скоро ты научишься уместять романы в одну цитату. В целом, текст стал жёстче, но это ещё мягко сказано, – снова я стал листать тот же журнал, по инерции. Теперь уже тупо рассматривая картинки.

– Жёсткий переплёт! Я же тебе говорил, что это совсем другая книжка.

– Не боишься потерять читателей? Эпиграф вообще поверг меня в шок:

«Казалось что 15-сантиметровый мальчик всегда был чем-то расстроен. Дух романтизма тянул к восстанию, но рядом с государством сильным ему суждено было быть лишь автономией, несмотря на всю свою значимость и незаменимость. Как бы сильно он ни был предан своему делу, как бы высока ни была его страсть, он вынужден был подчиняться приказам из центра. И вот он уже который год сидел в этой дыре, рассуждая о жизни, о смысле своего предназначения. Командировка затянулась, в какой-то момент он понял, что стал лишь инструментом в чьих-то руках, а как хотелось открывать новые внутренние миры, без каких бы то ни было личных интересов, бросив всё своё желание от научно-исследовательской работы к яркому и беспощадному выражению чувств. Трудно было найти аргумента более убедительного, даже тривиальное «я тебя люблю» выглядело бледным предисловием к тому, что вытворял он. И никто не мог его остановить, он рос на глазах».

– Я давно уже думал, что надо что-то менять, чтобы не набило оскомину.

– Ты знаешь, что такое оскомина? – оставил я журнал и взял книгу, которая только что вышла у меня: «Лучшие фотографии прошлого века». Не то, что бы я чувствовал себя Цезарем, который был способен делать несколько вещей одновременно, скорее, ещё одна дурацкая привычка, когда я подсознательно отгораживал себя от проникновения вглубь чужих проблем

наполнявшими телефонные трубки. Пусть даже проблема эта была государственной важности. Важной для моей небольшой издательской страны.

– Ну, примерно.

– Но если не поклонники, то критики точно нам её набьют, хотя я и без неё уже в лёгком нокауте. Мне кажется, первым был как раз приятен терпкий вяжущий вкус твоих литературных поцелуев.

– А вторым?

– Этим, как правило, ничего не нравится. Но зачастую им приходится следовать правилам большой игры, чтобы не остаться без хлеба. До сих пор не могу понять, как тебе удаётся излагать, в принципе, порнографические сцены так, что они выглядят абсолютно не пошло? – листал я плотную бумагу, пока взгляд мой не застрял на пёстрой корове, переходящей дорогу. Запахло деревней, сеновалом и парным молоком.

– Сахара поменьше кладу. Стоит только пересластить, вот тебе и пошлость.

– Я заметил, ты даже чай без сахара пьёшь.

– Чай с сахаром – это пошлость.

– Значит, я пошлый, – усмехнулся я в трубку.

– К тебе не относится.

«Откуда ты знаешь?» задумался я, а вслух отправил Томасу: – Пошлый по отношению к кому? К чаю?

– К сахарнице. Она же даёт. Чай берёт посластить свою и без того байховую жизнь. Это пошло брать кого-то из корысти, из прихоти, из похоти.

– А как же конфеты?

– Это другое дело, там всё же есть элемент флирта, тебе надо с ней познакомиться, то есть прочесть название, потом раздеть, распробовать и проглотить.

– Всё как в жизни, только не все способны видеть очевидные вещи так, как ты, – поменял я деревню на городской ландшафт, где дома так и норовили оторваться от земли. Акселерация вытянула их стройные железобетонные тела, пытаясь приблизить горожан к небу.

– Да, по-разному, мало того, что все люди разные, так у них же ещё и настроение скачет вместе с давлением. Сегодня они бегут от одиночества, и им хочется кого-то любить, завтра убить, чтобы оставили в покое.

– Это точно, – всплыл в голове Максима завтрак с женой:

«– Как тебе кофе?

– А что такой крепкий?

– Два чувства кипели во мне, пока я варила: любить тебя или отравить».

– Хочешь послушать письмо от одной читательницы? Правда, оно длинное, – потянуло Томаса к эпистолярному жанру.

– Ну давай, давно не получал писем от женщин. Ты-то этим избалован, я знаю.

– Ну, тогда слушай:

Привет. Была на твоей презентации с подругой, ранее не читала. Прочла. Заварила кофе. В кастрюльке. Потом доширак. Обожглась. Мимо пробежали берёзы, одетые в золото. Не знала, что жизнь дальнобойщиков наполнена романтикой. Если послушать их общение – мозг взорвётся, у меня не взорвался, опыт работы в Сбербанке. Очень хотелось секса с мужем, но он отказал. Подруга из мск написала «сволочь... зачем про него рассказала. Прочитала в инете 20 мин и до утра не спала... муж спал... стыдно было будить... бл...» Это я про твоё творчество. А сегодня 9-летний сын у подруги сказал «чёрт, игришка в инете накрылась, до 10-го уровня дошёл и всё... всё умерло. Надо снова проходить...» слёзы. Рассказала и успокоилась... рассказала, что у взрослых так же... У меня так сейчас... 10 лет проработала в крупнейшем банке, стала начальником управления и свалила в никуда. Неделью назад. Тяжело? Да и нет... да, боюсь потерять себя, как твои герои... нет, мне хорошо как твоим героям))))))

в общем, взорвала тебе мозг, как твои шедевры. Не знаю, от чего все пишат. Пишешь всё правильно. Ох... правильно и пипец как красиво, это талант. Зачитаться можно, тока мужики это слышать не хотят. А вообще у меня ещё на встрече был вопрос: как твои близкие относятся к твоему творчеству? Ведь всяко в некоторых моментах они видят себя... без этого наверно никак. Нельзя писать про отношения и про секс и не вкладывать в это частичку своего...

В общем, на отзыв это не очень тянет, ну уж как вышло. Дождь. 18-й этаж. Под окном машины смешались с людьми. Муравьи. Мечтают о сексе, но ждёт разочарование... в основном женщины, у них дома только бутылка и ТВ... могу много рассказать об одиночестве. Особенно в Питере... прожила в нём полгода, отымела его, а он меня.

– Оно тебя вдохновляет?

– Отчасти.

– Нашёл, что ответить? – начало уставать моё ухо, даже запотело, и я поменял его.

– Раньше я думал, что любовь не имеет души. Оказалось, ещё как имеет... по крайней мере, мою поимела.

– Цитата. Одиночество – это твой козырь. Я давно подозревал, что женщины глубоко одиноки, они хотят секса, они ждут большой любви, они вечно в сомнениях балансируют на грани: любят или используют?

– Это у тебя из личного?

– Все мы из личного. – Я набрёл на портрет женщины в красном. Она напомнила мне кого-то. Все женщины напоминают кого-то, когда долго на них смотришь. А может, дело было в красном платье. Впервые мне не захотелось его снять. Либо сыт, либо старею, либо платье было пронзительней женщины. – Поэтому они много читают, гораздо больше мужчин. Ты много уже прочёл из книги?

– Половину! Как только закончу, отправлю книгу в корректуру.

– Хорошо, зайду к тебе на чашку чая завтра, – начал прощаться со мной Томас.

– Ок, до завтра, амиго, – открыл я файл со сборником рассказов и положил трубку на стол. Всех друзей я называл амиго, мне нравилось это незатейливое испанское словцо. На очереди был «Депутат»:

«Размеры квартиры её не смутили, часа на три работы, она решила сначала протереть всю мелочь, всегда с этого начинала уборку: полки, фотографии в рамках (на этой, видимо, счастливое упитанное семейство хозяина (мама говорила что он местный районный депутат), вялые улыбки жены и ребёнка, на другой сам хозяин в резиновых сапогах и бушлате в обнимку с огромной рыбой), вазы, как много ваз, фарфоровые, металлические, хрустальные, все без цветов (единственным цветком в этом доме сегодня была она), подоконники, журналы: чисто мужские и чисто женские, мягкие игрушки, очки от солнца, она не удержалась их примерить, подошла к зеркалу, покривлялась всласть, натянула соломенную шляпку, лежащую на диване, в общем, неплохо, даже очень неплохо, даже без шляпки. Её красивые глаза и без очков могли смутить не только солнце, но и зеркало, она скинула шляпку, поправила сеновал густых волос и продолжила убираться.

Сегодня заменяла мать, у которой неожиданно появилась другая халтура, от которой та не могла отказаться. Это случалось периодически, и девочка уже привыкла её подменять в трудную минуту, деньги дома водились, но всё же нужда доминировала, поэтому матери пришлось стать профессиональной уборщицей. Все её клиенты были людьми не бедными и платили. Платили щедро.

Она уже собиралась начать мыть полы, как услышала ворчание замков входной двери. Это был мужчина, его лицо растрескалось складками не то недовольства не то улыбки, большие толстые ноги сразу нашли тапочки или тапочки их, а руки уже снимали с безразмерного тела безразмерное пальто.

- Привет, ты дочь Марии?
- Да.
- Понятно. Когда закончишь?
- Через час.

Она продолжила работу, рыжей перчаткой поправив упавшую на лицо прядь. Паркет был довольно чистым. Швабра легко забиралась в самые сокровенные уголки дома в поисках пыли. Гостиная, самая большая из всех комнат, надо бы побыстрее здесь закончить и всё, что-то её забеспокоило, но что? Не могла понять, как будто погода неожиданно начала портиться. Когда она, нагнувшись, разводила чистоту под диваном, краем глаза заметила, как вошёл мужчина со стеклом в руках, в прозрачных берегах которого плескалось янтарное озеро виски, на котором уже тронулся лёд после долгой зимы. Он медленно сел в кресло, поцеловал стакан и тоже стал для неё предметом. «Пыль с него стереть, что ли?»

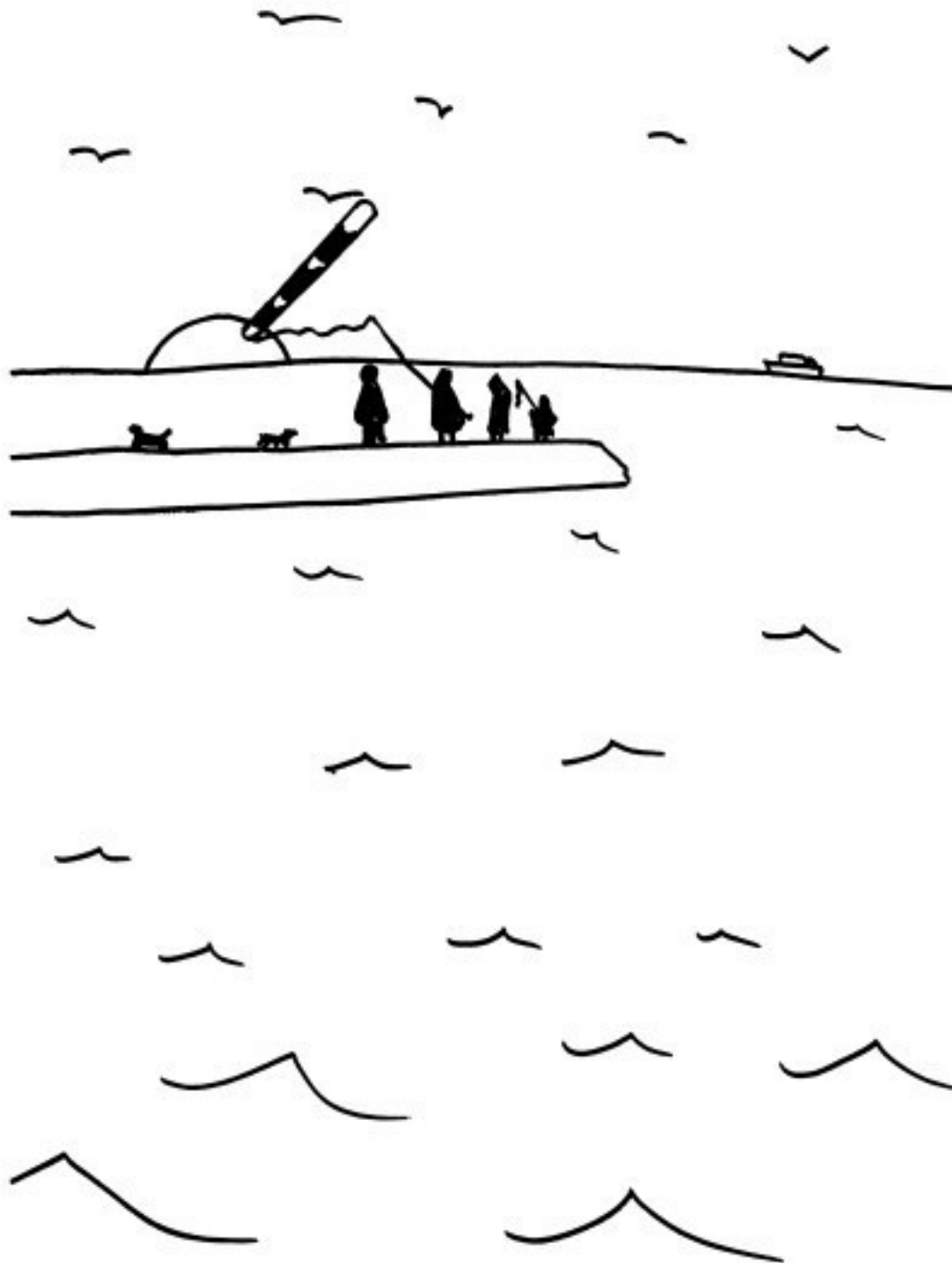
«Ничего себе девочка, – пытался он взглядом прощупать её грудь. – А как нагнулась отлично, белые трусики, не зря я ушёл пораньше с работы», – гоняли туда-сюда мысли его извилины. Он чувствовал, как начал твердеть, там где-то в глубине, в складках тюленьего жира. Он не спускал взгляда с белого флага, радуясь всякий раз, когда девочка им сверкала, пытаясь как можно быстрее закончить с уборкой и уйти с глаз долой».

– Можешь так замереть?» – оборвал рассказ на этой реплике ветер, ворвавшийся в комнату, выдавив окно, сбросил со стола несколько чистых листов. Те некоторое время парили в воздухе, затем их остановил пол. Максим замер на мгновение, потом встал, чтобы выгнать ветер, но того уже и след простыл. Он не стал закрывать окно.

* * *

Время не жалело людей. Воскресенье прошло. Понедельник наступил. Самолётик не попал в цель, в мусорное ведро. Я встал и со второй попытки отправил бумажный корабль по имени А4 в утиль. Старая накладная с дебетом и кредитом, с налогами и подписями. Жизнь проходит за оформлением бумажек с цифрами прибыли и расходов, ни чувств, ни эмоций. Накладная, наложи и расхлебывай. Открыл окно, где духоту моего кабинета уже ждал свежий воздух. Он знал, как соблазнять девушек. В руках у него трепыхался букет белых цветов яблони, что росла под окном. Окно выходило во дворик университета. Там стоял студенческий щебет, было время перерыва между парами, если не сказать обрыв, в который с радостью проваливались все: и студенты, и преподаватели, пробел между слов, пробел во мгле тяжёлого бремени знаний, луч света, глоток кислорода, улыбка кофе. Окна мне не хватило, и я спустился вниз, в объятия весны. К тюльпанам, астрам, гладиолусам и другим цветам, среди которых доминировали нарциссы. В цветнике приятно было оказаться в любую погоду, в окружении юных женщин настроение поднималось до солнечного. Я устроился на скамейке, спрятавшись за солнцезащитными очками, и бродил в своих кулуарах мыслей, всё ещё переваривая утренний кофе, который я оставил на столе, не притронувшись. Потому что кухня сегодня не баловала хорошей погодой. Что-то нашло на жену ещё вечером:

- Где же ты был?
- На совещании. Голодный, как собака.
- Макароны будешь?
- Ты же знаешь, как я не люблю их.
- Вот и я с некоторых пор разлюбила лапшу, – нашло и не сходило до самого утра.

Я не стал с ней спорить и доказывать, что совещание действительно было, точнее, день рождения Кати и мы коллективно её поздравили. Мне казалось, что к утру жену отпустит, что в ней проснётся здравый смысл или хотя бы безумная любовь, но нет. Жену ко мне не отпустили:

- Кофе сварить?
- У меня нет никакого настроения варить тебе кофе.
- Разве это так сложно?
- Сложно. Ты же видишь, какие мы разные... сегодня, – надавила она на мои перепонки.
- Может, тогда нам стоит развестись... на один день?

– А если мне понравится?

– Чёрт, дай сюда кофеварку.

Отобрав у неё посуду, я зажёл огонь, тем самым пытаюсь погасить себя. Огонь действительно успокаивал.

– Долго так будешь на него смотреть? – поняла, что перегнула палку жена.

– Пока не погаснет.

– Огонь?

– Злость. Я прихожу к выводу, что вредно быть человеком.

– Понятно, если ты собрался философствовать, то мне некогда, на работу опаздываю, – оставила меня на кухне одного она и вышла в спальню.

– Куда ты? Я кому кофе варю? – бросил я ей вдогонку, но слова мои вонзились в закрывшуюся за женою дверь и остались на кухне.

Женщина села на кровать, которая была ею тщательно заправлена. В комнате прохладно, не то что бы отопление отобрали, просто поссорилась с мужем. Вроде как из-за пустяка, а пустота не только на утро, но и на целый вечер. Пытаешься её заделать потом словами или прикосновения, да куда там. Проваливаешься, как в пропасть. Она услышала, что муж звал её на кофе. Но сказано было в такой форме, что пить его сразу расхотелось.

Кот знал, что если я его беру на руки, то состояние моё не очень, иногда человеку необходимо погладить кого-то руками, чтобы не наложить их на себя. Я гладила его мех и успокаивалась, он был не против, он чувствовал свою значимость. Его миссия – спасать моё настроение.

– Хочется гардероб обновить, – заглянула она снова, всё ещё сомневаясь «простить или помиловать» и снова исчезла, так и оставив утро неглаженным.

– В чём проблема? Купи себе новенькое платье, – буркнул я ей и налил себе полную чашку. Мне уже не хотелось мириться.

– И так полный шкаф одежды.

– Тогда новый шкаф, – безразлично пошутил Максим. Лишь бы отделаться от капризов жены. Теперь его трогали капризы другой женщины. Он чувствовал, как руки Марины дрожали от волнения, верхняя пуговица пальто не застегивалась, затем упала ложка для обуви, будто невидимый сквозняк волнения не давал сосредоточиться. Звуки застегнутых молний на сапогах сработали последним аргументом, словно будильник, означая, что надо выйти и поцеловать на прощание жену. Выходить не хотелось, тем более целовать. Скоро он услышал, как матюгнулся замок входной двери.

– Нас сплачивает секс, а развращает быт, но это ненадолго, приходит время и обе прихоти становятся невыносимо общим, вечным, скучным долгом и хочется что-то поменять, разнообразить, но менять органы дорого, поэтому меняем дома, гражданство, партнёров, губы, нет не те, дайте другие, эти я уже пробовал, дайте более матерные, на хрен эту дыру! Повесьте её на другой, мне дайте другую, менее развращённую одиночеством. Переползая из щёлки в щёлку, человек, как маленький ребёнок, будет просить до последнего: денег, счастья, любви, перед смертью – прощения. Дадут ли? Вот в чём вопрос. Иногда и этого жалко. Я же говорю, что вредно быть человеком.

Разговаривать с собой вслух я научился давно, но раньше не обращал на это внимание. Сумасшествие можно замечать только у других, своё вроде как и не сумасшествие вовсе, а так, безобидная привычка.

Я знал, что спорить с женщиной бесполезно, но если я всё же отчаивался на это, то в голове моей всегда была памятка: спорить словами дело бесперспективное, всё равно каждый останется при своём или при своей, делай это медленно, чувственно, устами через мочки ушей, шею, грудь, ниже, спорь по всему её прекрасному телу, если необходимо, разверни на нём нежную битву полов. Но целовать жену почему-то расхотелось, желание пропало, словно любовь сдёрнула с вешалки скукавшее пальто, накинула и смылась.

Стратегия и тактика, вот они пути к успеху в семье – это то, чем ты должен владеть в совершенстве, а она совершенна, это нужно признать, даже если сокровища, что так долго томились, сдаются досрочно в плен, стой всегда на своём, то есть не останавливайся. В споре таком может родиться Истина (всякая женщина мечтает о дочке), этого будет достаточно, чтобы после этого устного спора любимая подобрела, растаяла и утром сварила кофе. Я бы, наверное, так и сделал, но с ужасом обнаружил, что не хочу. Не хочу её больше успокаивать. Я просто вышел на улицу, где стояла совсем другая погода, будто давно меня ждала.

* * *

Инь: Откуда берутся слёзы?

Янь: Это эмоции.

Инь: А жилетки?

Янь: Обычно они идут в комплекте.

Инь: Некоторые люди как будто без чувств.

Янь: У них жилеты пуленепробиваемые. По какому был экзамен?

Инь: По теорграмматике.

Янь: Мужчина?

Инь: Женщина.

Янь: Вы непредсказуемы, я про женщину.

Инь: Она ненавидит меня.

Янь: За что?

Инь: Откуда мне знать.

Янь: Забей. Может, она не выспалась.

Инь: Это я не выспалась, готовилась всю ночь.

Янь: Ну, вот видишь, а ей не спать не с кем.

Инь: У каждого свой секс.

Янь: У каждого под своим углом. Плохой день?

Инь: Ага, дождь. По всему лицу дождь.

Янь: Не вешай носа, даже если на другом конце повесили трубку.

Инь: Экзамен сдала на 4, а знала на 5.

Янь: Это горько, хотела пить шампанское, а налили текилы.

Инь: Может, я преувеличиваю?

Янь: Не иначе.

Инь: Послезавтра ещё один. Чувствую, завалю. Чёрт, все мне говорят, что я пессимистка, я даже сама начинаю в это верить. Ты, как мужчина, можешь объяснить что это такое? Только не надо рассказывать мне историю про полупустой стакан. Лучшие скажи как с этим бороться?

Янь: Скоро приеду, налью до краёв!

Инь: Я не люблю текилу, особенно, когда в ней замаринованы твои утренние губы.

Перегар ударил Марине воспоминаниями, когда утром, лёжа рядом со спящим мужем, она была вынуждена перекладывать свою голову, чтобы её нос находился как можно дальше от выдоха, или, точнее сказать, выхлопа мужа. Она ненавидела запах перегара. Правда, сейчас в её жизни и такого не было.

Янь: Ты на какой вопрос не ответила?

Инь: Какая у тебя цель в жизни?

Янь: Объясниться ей в любви.

Инь: Сначала мне.

* * *

– *Природа в городе была как уныние уродлива, все всё время ждали суицида солнца, оно никак не вешалось, никто не знал, чем это исправить. У человечества на это не хватало чувства юмора и чувства собственного достоинства. Все лучшие достоинства вложены в собственность. Но тут появилась она и вытолкнула из себя красоту наружу, через все формы своего сосуда, из которого каждый хотел отхлебнуть. Она молчала, тем самым привлекая к себе ещё большие внимания, мужчины, те приходили и уходили со словами, женщины завистливо фыркали, красивые слова лежали кучами у её ног и гнили, молчание было бессмертно, – вещал заговорщицки мужской голос за кадром. Пока главные герои застыли в тревожном ожидании.*

Максим сидя на кровати, надевал носки. «Если начать анализировать женские поступки, всякая логика, какой бы она ни была железной, тут же подвергается коррозии капризов», – хотел поспорить его мозг.

Тем временем голос всё продолжал:

– *Она жила между бывшим мужем и настоящим, один звал вернуться, другой не отпускал. Чем дольше это продолжалось, тем отчётливее она понимала, что не любит ни того, ни другого. Она стояла, как регулировщик посреди перекрёстка со сломанным светофором, и пыталась урегулировать движение своей души.*

Когда подключились остальные герои, Максим тщетно пытался найти второй носок.

– *Неужели есть что-то сильнее надежды?*

– *Есть: ожидание. Я способна ждать, даже когда нет никаких надежд.*

– *А интеллект тебе не будет мешать?*

– *Нет. Интеллект имеет только один недостаток: чем умнее становишься, тем сложнее получать удовольствие.*

– Что ты ищешь? – недовольно зашевелилась в постели жена. Марина внимательно следила за фильмом.

– Ты не видела поцелуй?

– Какой поцелуй?

– Ну какой-какой? Как обычно, глубокий, жадный.

– Может, лучше кофе сварить, хватит ерундой заниматься.

– Я на кухне тоже смотрел.

– У-у-у-у-у-у-у, – застонала она. – Вот ты зануда. Мне кажется, ты отлично обходишься без них.

– Ты так красиво лежала.

– Хватит лстить, я уже про носок, который ты потерял, – смотрела она на его голую ступню.

– Включи голову! Не будь такой дурой!

– Ты не боишься, что тогда я перестану любить тебя?

– Это лишнее.

– Ты давно уже ни черта не видишь, кроме своей прекрасной работы.

– Что я не вижу?

– Меня не видишь, – выключила звук телевизора жена, так как пошла реклама.

– Ты про новые штаны? Я их ещё вчера увидел прекрасный цветок, он расцвёл в вазе джинсов, просто промолчал. Тебе, кстати, идёт, – подошёл я к любимой и, положив свою ладонь чуть ниже бедра, подхватил словно стройную ножку бокала рукой и начал медленно поднимать: – Я хочу выпить за неувядающую красоту, океаны ласки твоей до дна, – нагнулся

и поцеловал её в колено, – пью тебя звёздами, небом и космосом, в угоду твоему тщеславию, влюблённости, запоночки расстегиваю и разбрасываю, – вырвалась из меня рифма.

– Это чьи стихи?

– Это не стихи, это я.

– Когда я видела знак вопроса, я думала, ты работаешь, а ты стихи, оказывается, пишешь.

– Не пойму, при чём здесь знак вопроса, – заглянул я под диван.

– Видел бы ты себя в профиль, когда сидишь за компьютером.

– Ну так ты ответь, я, может, и выпрямлюсь, – разогнулось моё тело, а глаза пошли шарить на следующий уровень.

– Иногда мне кажется, что твой взгляд хуже скотча, липнет ко всем, кроме меня, собирает букеты на чужих полянах, отклеить его нет никаких сил.

– Разве? – наконец нашёл я беглеца на книжной полке.

– Я даже зависть читаю по твоим бегущим глазам.

– Да, да, да. Какому счастливчику гулять в этом саду? – опустил я её ногу. – Почему люди остывают так быстро к тому, что рядом, к тому, кто предан. А тебе тем временем нужна постоянно твёрдость мужской силы, а не бессилие законопослушного гражданина. Я знаю.

– Хватит паясничать. Не надо строить из себя женатого человека дома, чтобы потом разрушать его за пределами. Надо быть честнее. И почему законопослушного?

– Потому что кроме дурацких гражданских законов ты ни черта не слышишь, – начал нервничать я, – видишь, ты меня не слышишь, – переключала программы бездумно она.

– Ты сегодня ни разу меня ещё не поцеловал, не говоря уже об изнасиловании. Ты не любишь меня.

– Я знаю.

– Я без внимания так продрогла, – приняла она мой ответ за шутку.

– Остыл, лоботряс? Или для романтизма завёл другую? – Марина бросила пульт не глядя. Было заметно, что женское тело расстроено, душа, чёрт знает где. – Что за чушь? Возьми себя в руки, Марина.

– Раньше это было твоей миссией, – встала с кровати и включила беговую дорожку, будто хотела убежать от меня, но не так, что бы очень далеко.

– Девушка на беговой дорожке в спортклубе выглядит символично: вроде бы убегает, но так, чтобы всегда можно было подойти и познакомиться, – озвучил я ей другую версию. Мне хотелось язвить.

Марина не ответила, только прибавила скорость асфальту на своём стадионе. Она вспомнила мне смс-ку, которую нашла в моём телефоне, с чего, в общем, и начался весь сыр-бор, текст которой въелся в её память, и она его незатейливо напевала, пока бежала:

– Я съем на завтрак твой взгляд, на обед твой запах, после ужина из прикосновений пропаду в твоём Бермудском треугольнике, ненасытный, бесчувственный, внутривенный.

Голова моя покачала себя и вышла на кухню, остудить нервы чашкой кофе. Хотя был глубоко уверен, лучший завтрак – это ещё поваляться в постели.

* * *

Кухня – мой дом родной, спальня – моя заграница. В моих словах так мало меня, возможно, поэтому ты ищешь меня в других... Пусть даже в книгах, фильмах, в другом молчании. Иногда тебе это удаётся, ты проводишь там время, час, два, пока я не уйду. Ты всё чаще задумываешься, возможно, не поменять ли мне женщину, вот с этой я зажил бы. Ни подозрения на скуку, но пообщавшись немного, ты понимаешь: чёрт, опять то же самое, потом новые поиски, новые люди, старые люди. В старых общих знакомых меня особенно много, я арендую там доб-

рую часть памяти и злопамятства. Я живу там практически даром, я там живу с тобой: хорошо живу, аморально, ужасно, сплю, работаю, даже занимаюсь любовью.

– Иногда люди думают о нас больше чем мы сами о себе. Так же и мы о них, вот в чём проблема, – зашла она на кухню с ведром в руке, выдавив моё одиночество из последнего укрепления, где я мешал ложкой чай и мысли, что пытались сотrudничать в голове.

– Интересная мысль. Ты слишком умна, чтобы я тебя так просто оставил, – всё ещё продолжал я лукавить.

– Я бы многое могла тебе сказать, но я не скажу, буду просто стирать с вещей пыль, – ловко управлялась она тряпкой. Тёмная чёлка упрямо падала ей на лоб, а рука профессионально поправляла, будто это было делом всей её жизни. – То есть буду говорить только то, что слышать приятно. Думаешь, я сейчас занимаюсь уборкой?

– Нет, ты выращиваешь свою поэзию прямо на подоконнике, в идеальных условиях, и каждая строчка лицемерно твердит сама за себя: если в окне тухлая осень – ты кричишь золотая, если семья – то непременно счастливая, та, с которой нам нужно взять пример. Нет не нам, а мне...

– А если я смотрю эротику? Что бы это значило? Правильно, значит у меня давно никого не было.

– И похоть тебя пожирает.

– А теперь ещё и ревность.

– Да, кто тебя просил лезть в мою личную жизнь?

– В твою личную? А я в какой, интересно? – начала размахивать тряпкой Марина. – А если я затеяла уборку, это значит, что меня всё достало.

Жена наводила порядок. Меня это раздражало: «В каждой женщине есть какая-то лажа, особенно по утру, которая способна вывести из себя. В каждом мужчине видимо, тоже», – заметил я её недружелюбный взгляд, когда она тёрла шваброй пол, словно всё детство её было окружено порядком и кёрлингом. Что-то нас всех раздражает. Любовь», – снова посмотрел я на её выдающиеся бёдра, – «она разогревается только к вечеру. Целый день одеваемся в какие-то отношения, чтобы ночью наконец-то раздеться и принять достойный обнажённый вид. Вид тех самых приматов, которые могут доставить друг другу удовольствие».

– Сколько можно? – посмотрела на меня Марина.

– Столько же, сколько нельзя, – ответил я ей сонно. – Ты о чём вообще-то?

– Твои вещи по всей квартире.

– Да, я так раздеваюсь, сейчас соберу. Ты хотела, чтобы я спал в одежде?

– Только не в моей постели. Джинсы валяются на кухне, носки под столом, рубашка вообще на полу в гостиной. Хорошо, хоть бабы твои ещё здесь не развелись, а то тоже пришлось бы их мыть.

– Они помогли бы тебе убратся, – огрызнулся я.

– Убратся? – застыла с тряпкой в руках жена.

– В смысле навести порядок. Назови это творческим безобразием, считай, что я поэт, а по углам разбросаны мои нетленные музы, – сошёл с катушек и начал утрировать её бесполезные чувства и свои в одну образцовую кучу.

– Значит, твоё творчество – это разбрасывать, а моё – убирать? – Женщина наводила порядок в квартире.

– Я бы сказал, делать этот мир более организованным. Какие же они одинаковые, – сдал я себе собственные анализы, для точного диагноза. – Женщины все на одно лицо, разная у них только нужда в мужчинах.

Я попытался набросить на неё свои сети рук, чтобы как-то приобнять, приласкать, но она отшатнулась, настолько зло фыркнув на меня глазами, что вторая попытка не имела никакого смысла.

– Ты только другим можешь красиво так выводить, а на меня только руки свои накидывать.

– Скажи ещё, наложить руки. Дура, как ты не можешь понять, если им я просто красивым языком просто пишу, то настоящим своим языком я делаю тебе кунилингус.

Только этот аргумент, словно единственный из миллионов сперматозоидов, достигший яйцеклетки, чудом проник в её мозг, и та оплодотворилась милостью.

– Посмотри, какие подушечки я вчера купила для дивана.

– Ох... ть, – смотрел я в экран ноутбука.

– Даже не посмотришь?

– Правда, классные. Сегодня испытаем.

– Особенно олени. Там были ещё слоны, но я взяла с оленями. Ты посмотри, какие у них рога.

– Главное, чтобы их рога не переехали на мою голову.

– Дурак, – угомонилась её ревность и ушла в осадок, чтобы подняться в любой момент при новом шторме.

* * *

В парке не было ни души, кроме одиноких спортсменов, матерей с колясками и деревьев, те молчали, они умели молчать, в отличие от людей, даже когда собирались целой компанией в один небольшой лес, лес стройных ног. Лишь изредка ветер давал им повод для сплетен, выйдя на пробежку. Он то ускорялся, обгоняя других участников здорового образа жизни, то вовсе замирал, при виде одинокой приятной девушки, готовый сдуть с неё пылинки всю жизнь.

Весна высунула язык и показала мне его, зелёный и нежный, я принял игру и поцеловал её. Она сначала несмело прикоснулась только, потом всё уверенней сливалась с моими губами, пока не впилась в меня и не начала прорастать одним сильным деревом. Я чувствовал берёзовые соки, забурлившие в моей крови и в её животе, что это было? Влюблённость? Может быть. Весна оседлала и уже крутила педали, приведённые в действие цепью причин и следствий. Ход её был лёгкий. Мы мчались вместе с ней, я держал руль.

Когда я хотел было притормозить, чтобы заехать домой и предупредить жену, что я задерживаюсь, но обнаружил, что тормозов нет. Алиса сидела передо мной на рамке, я вдыхал её волосы, трепавшиеся с ветром, на багажнике только шампанское и фрукты и ещё «Зловарь». Именно эта чёртова книга, прекрасная и опасная, навязала нам свою увлекательную игру в слова, а позже и в чувства, которые словно «Лего» стыковались со всех сторон, а не только слева направо, как это было принято азбукой. Этот мир нового слова открывал чудовищные возможности. Слово в объёме. Часто слова безвозвратно теряли веками нажитое значение, и им вдруг становилось от этого легко и свободно, у них, как и у счастливых людей, вырастали вдруг крылья, появлялись новые перспективы роста не только карьерного, но и творческого. Бедные становились богатыми, богатые – щедрыми. Вся эта беспечная весёлая пьянящая болтовня была хорошо знакома филологам в пору цветения влюблённости.

Иногда по дороге мы менялись местами, и тогда за руль садилась Алиса, она всё время норовила съехать в лес, на просёлочную дорогу, чтобы срезать напрямую. Так мы проскочили через джунгли лета, вымокнув до нитки в поцелуях осени, преодолели вместе бесконечную продрогшую равнину зимы. Вновь весна крутила две педали. Она крутила нами как хотела, совершая остановки в самых непредсказуемых местах, чтобы материализовать матерное в сказуемые, выражающие чувства и желания.

Окно приблизилось ко мне, потом подошла Алиса. Окно стеклил дождь. Сквозь расплавленный разведённый водой стеклянный раствор мы наблюдали за акварелью городской суеты.

Там было чем поживиться. Люди струились с работы, вода смывала с них пыль деловитости. И как бы мы не смешивали краски, картина выходила серой, мраморной, питерской.

* * *

Как только я вышел из машины, меня расстрелял байкер из глушителя своего железного коня. Раненый в ухо, я смотрел как мне будто платочком издевательски машет лоскут красной банданы мотоциклиста, продолжая трепыхаться пламенем на его голове. Город был пыльный, словно весна пыталась неумело припудрить своё лицо, чтобы скрыть морщинки, оставшиеся от зимы. Я оставил машину на обочине и зашёл в универ. Сегодня не было настроения работать. Настроение было для чего угодно, для поцелуев, для любовных смс-ок («Ты знаешь, я скучаю». – «Я помню»), для праздного шатания или скамеечного недомогания, для чего угодно, только не для работы. Свидание спасло ни одну жизнь. Мы договорились встретиться с Алисой.

В то время как свежий ветерок вытягивает молодые листочки из почек, поцелуи и объятия мирно пасутся на зелёных лужайках парков, особо долгие забираются на скамейки, они готовы идти дальше, захватывать новые территории брэнного тела, они готовы там ночевать, однако губы, которые только что подчинялись сердцу, вдруг получают от сознания другую команду и тихо против воли произносят:

- Пора идти на пару, – обнималась напротив меня парочка.
- Чёрт, покурить не успели.
- Курить теперь во двореке нельзя, – произнесла девушка.
- А, точно, забыл, хорошо хоть целоваться ещё не запретили.
- Это как вчера по телику:
- *А что в бутылке у вас? – спрашивает мент у мужика в парке.*
- *Сухое.*
- *Распивать здесь спиртные напитки запрещено, вы здоровье нации калечите, курить, кстати, – тоже. Что вы так испугались?*
- *Как бы не запретили женицин.*
- Забавно, – тупо улыбнулась девушка, проявляя толерантность к парню и к своему чувству юмора.
- Как-то ты без энтузиазма.
- Посмотришь вокруг, все люди как люди.
- А ты?
- А я не выпалась. Весна кончается. Очень хочется влюбиться.
- Тебе-то просто необходимо.
- Но где взять столько силы воли? Я даже курить бросить не могу, не говоря уже об отношениях, как о процессе, в котором всем хочется, чтобы к ним относились лучше. Хотя можно попробовать в тебя?
- В меня не надо, я слишком неблагонадёжный.
- Что это значит?
- Надёжный, но благ никаких.
- Как тебе такая татушка? – отвлеклась на экран своего телефона девушка.
- Ты к себе примеряешь?
- Ага.
- Не понимаю, зачем тебе эти картинки на коже? Ты и так красива.
- Каприз. Давно хочу себе бабочку.
- Почему бабочку?
- Крыльев не хватает.
- Короче, бабочка, надо уже лететь, а то опоздаем.

На скамье напротив сидел молодой человек в пуховом жилете пускал в глаза пух молодой девушке. Никуда не торопились, они обсуждали какую-то книжку.

– Вот послушай, как здесь забавно написано о любви. «В постели любовь – это физика, в лифте – ядерная физика, на кухне – химия, в письмах – ботаника, в пути – география, на расстоянии – математика, в памяти – высшая математика, в Интернете – информатика, в одиночестве – аутотренинг, в телевизоре – программирование, в телефоне – диагностика, во сне – мистика, в мечтах – уфология, в душе... всё зависит от удара». Ну и что ты скажешь?

– Я бы не отказалась сейчас от тёплого душа.

– Мне хватило вчерашнего дождя. Как выходные прошли?

– Прямо по мне. До сих пор в себя прихожу. А у тебя?

– В никуда. Курсовую надо было писать, а желания никакого. Воскресный вечер – это такое время, когда работает телевизор, а голова нет, сколько ни включай.

– Ты где зависала?

– Как всегда, топила молодость в стакане с мартини и вытворяла сальсу.

– Новый роман?

– Нет, драматургии полно, романов нет. Ну, что ты на меня так смотришь? – поправила свою юбку девушка. – Я, по-твоему, ветрена?

– Да, сквозит.

– У тебя пары ещё есть?

– Нет.

– Тебе хорошо, сейчас надуешь свой пуховичок и улетишь домой, а у меня ещё две пары.

– Позвонишь сегодня?

– Нет... Приду. Будешь ждать?

– Нет... Таких, как ты, ждать бесполезно, к таким надо идти навстречу.

– Завтра может увидимся.

– Нет... Любить.

Я ждал Алису во дворике, наблюдая за движением молодости. Несмотря на то что музыка, которая здесь сопровождала перерывы, смолкла, многие продолжали топтаться языками. Мне очень захотелось поверить во фразу «человек – это то, что он видит», чтобы скинуть многолетнюю усталость, подобно тому, как скидываешь зимнее пальто по весне, ботинки после рабочего дня, а вслед за ними носки кидаешь в корзину для стирки, предварительно понюхав, будто их запах должен был привести тебя в чувство. Что ещё? Что ещё я мог снять? Да. Может быть, кольцо. Снять усталость то же самое, что снять приросшее к пальцу обручальное кольцо. Я снял его с трудом, восемнадцать мне, конечно, не стало, но почувствовал себя лет на тридцать, и дело было вовсе не в кольце, а в снизошедшем из-за облака солнце. Я поблагодарил его, закрыв глаза. Теперь только слух, я полагался на него. Из окна на первом этаже рвался ветром глубокий тенор, словно он был из тех редких домашних животных, которых не выпускали на волю. Ему хотелось гулять, резвиться и заигрывать с молодыми девушками, но он фальшивил. Это слышал даже я со своим незаконченным школьно-музыкальным образованием. Сколько бы они не любили ушами, выбор оставался за сердцем. Всё же какая-то дура нашлась. Из того же окна хлынуло женское сопрано. Девушка распевалась на «И» будто потеряв мысль, никак не могла закончить свою фразу. Птицы тоже слетелись послушать, они одобрительно чирикали, понимая, что те, в клетке вряд ли смогут увести их цыпочек и вмешаться в борьбу за гнездо.

Ветер заглядывал всем в лица, будто искал кого-то из своих, но скоро ему это надоело, он начал играть с девушками в Мэрилин Монро. И их это радовало, а ещё больше забавляло молодых людей. Ну и меня в том числе.

Я щурился как ребёнок и высматривал в небе весну, там крылатая эскадрилья ласточек кружила выписывая пируэты, словно это был показательный полёт в салоне «Лё бурже», пока

их не сменила тяжёлая авиация – стоя голубей, резко, как по команде, она пошла на снижение. Я вдруг почувствовал себя одним из героев фильма Хичкока, которого атаковало безумие птиц.

– Что они себе позволяют, засранцы, – закрыла Алиса своими ладонями мои глаза, подкравшись сзади. И я начал стучаться ресницами в её ладони. – Хватит моргать. Не волнуйся, я тебя спасу от этих назойливых парнокрылых.

– Ты знаешь, что голуби – единственные из птиц с вертикальным взлётом, – пытался я сохранять самообладание.

– Не птицы, а вертолёты.

– Как день прошёл?

– Я проснулась сегодня в шесть. Здравствуйте, – неслышно, одними губами, слегка склонив голову, произнесла она проходящему рядом солидному мужчине.

– Кто это?

– Любовник.

– Не ври, на любовника он не тянет, скорее, на второго мужа.

– Если бы.

– Так кто это? – попала в глаз Максима ресница ревности.

– Декан факультета.

– А? Тогда понимаю.

– Нет. Не понимаешь. Он пять раз был женат, каждой жене по квартире оставил. Кстати, почему на второго?

– Потому что первым буду я. Вижу, ты хотела бы шестой?

– Лучше, конечно, первой. Это предложение?

– Нет, роман.

– Зачем я тебе?

– Чтобы ты не вставала так рано. Шесть утра для такой красавицы – это безумно рано, тебе нельзя так рано вставать.

– Можно, иногда даже нужно, – вспомнила Алиса утро, когда вышла мысленно в лето, вдохнуть свежего воздуха на балкон, а там никого, только она и солнце уже ворочалось на горизонте. Девушка босиком прошлась по росе июльских воспоминаний, искупалась в кофе ярко-утреннего бирюзового неба, отпустила первым трамваем вчера, вдохнула всей грудью сегодня. Птицы чувств, перепрыгивая с ветки на ветку, затянули свою раннюю песню, лёгкий ветер дунул в цветочный кальян, она понюхала розу, которую выращивала на своём балкончике. Ароматы рассвета понесли её крышу встречать приходящее лето.

* * *

– Почем сегодня тряпки любви?

– Вы о губах?

– Если они свежие, я бы взял парочку.

– Вам для поцелуев или так, стереть пыль с лица?

– Понимаете, не с кем поговорить, мне чтобы разговаривать.

– Только не о погоде.

– Ни в коем случае, – взял Максим Алису за руку, когда они переходили дорогу. Взял, будто маленькую девочку, это жутко понравилось ей, хозяйке руки. – О чём бы вы хотели?

– О чём-нибудь сверхъестественном.

– У вас есть недостатки? – без промедления ляпнул Максим.

– Нет, разве что мужское внимание. Постоянно недостаёт, – паясничала с удовольствием Алиса, вспоминая, что его действительно ей не хватило в детстве. Отец ушёл, мать осталась. Ей всё больше казалось, что лучше было бы случись всё наоборот.

– Не проблема, достанем, – подыгрывал от всей души ей Максим. Он давно уже не ощущал такую лёгкость небытия.

– А у вас есть недостатки? Я заметила только один. Вы такой всемогущий.

Мы медленно шли по набережной, пиная воздух. Свежий ветер смешал наши облака с мыслями, будто те и эти давно не виделись, теперь словно близкие родственники радовались встрече. Солнце освещало событие. Я летел вслед за мыслями, пока телефон не дал о себе знать. Звук был громкий. Я посмотрел на экран, Алиса многозначительно на меня. Я лёгким движением пальца шмыгнул в зону недосягаемости, плотно притворив за собою калитку.

– Вы женаты?

– Да, очень.

– Что, теперь будете разводиться?

– Думаете, стоит?

– Нет, раз вы сомневаетесь, – перевела она свой взгляд на воду, кипевшую внизу. Там катер с туристами расстегнул молнию водной глади. Те заворожено щёлкали: кто затворами, кто языками. Они меня почему-то бесили. Они же ни черта не понимали, куда приехали, зачем, тупо топтали искусство, которое лежало под их ногами, вместо того чтобы положить его на блюдо и есть, оставив глухие слова, слезливость зрачков. Туристы как особая каста людей, которые бороздят чужие страны, не находя места в своей, не только стране, но и душе. Они суетны, они любопытны, они плоски, как мыльницы, несмотря на то что их шеи отягощали сбруи широкоугольников с мощными объективами. Восторг путешествующих взглядов потоком провожала Нева. Она унесёт ещё дальше куцее восхищение каменным деспотом. Вы ангела в нём увидели? Нет, здесь ангела, поживите на этой прекрасной, жестокой, сырой, холодной планете, проведите здесь хотя бы одну зиму в этом одиноком климате, может быть, тогда вы поймёте, почему революция случилась именно здесь. «Разинув рот с революцию, смажьте восторги лепетом, фото поставьте на вечность, щёлкайте как орехи, памятники архитектуры. выдержат эти увечия», – вспомнил строчки одного питерского поэта и отвернулся от кораблика, с которого мне начали зачем-то приветливо махать.

– Любите туристов?

– Нет, я люблю путешествовать, – оперлась на перила и стала рассматривать воду Алиса. Это знакомство заставило её остановиться на мосту между любопытством и безразличием, где она замерла, глядя вниз и пуская свой взгляд по течению, пытаясь понять, куда принесёт голубая лагуна моих искренних глаз.

– Что там?

– Холодно.

Вероятно, именно здесь я должен был её обнять, но я не обнял, я всё ещё был зол на туристов, точнее сказать, на самого себя, за то, что увидел в них в более глобальном философском значении, себя – туриста этой жизни.

Мы прошли Вознесенский мост и свернули налево, мимо Дворца для новобрачных, к которому были пришвартованы белые и розовые лимузины. Парад невест, женихов и их гостей сорил лепестками и шампанским.

Перед нами остановилось свадебное авто, дверь открылась, задуло дешёвой музыкой, её смывало то и дело ливнями смеха. Из машины выскочила невеста, которую искусные моделиеры предварительно макнули в пятно кружевного белого озера. Она перебежала дорогу, свадебное платье за ней. Невеста остановилась в трёх метрах от нас, устремив свои печальные глаза в воду, на дворцовый поворот.

– Жени́тьба – это настоящий экстрим: молодые рискуют, гости пьют шампанское, – прокомментировал я торжество.

– Счастье есть! – сделала фуэте Алиса.

– Оно словно неукротимое редкое животное может исчезнуть в любую минуту, так как не размножается в неволе, сколько шампанским не ублажай, – выпендрился я.

Алиса рассмеялась.

– Что смешного?

– Вспомнила одну историю. Правда, это чёрный юмор.

– Чёрный юмор как чёрная музыка, он циничен, но правдив. Рассказывай.

– Не так давно мой двоюродный брат женился. Ну, свадьбу устроил размашистую, деньги со своей невестой взяли на это дело в кредит. Через год развелись, а кредит до сих пор выплачивают вместе.

– Женщину невозможно взять в кредит, – вспомнил я цитату Томаса.

Невеста будто слышала нас. Фата бросала тень задумчивости на красивое лицо невесты: «Ответить человеку согласием очень просто, но если это касается твоей личной свободы, то коротенькое слово “Да” может перевернуть всю твою жизнь с ног на голову, незаметно поменяв местами две эти буквы». Невеста поделилась одной розой из её букетика с Невой и поспешила обратно на церемонию, в семью, в быт, бог знает куда.

«Горько! Горько!» – понеслось нам вслед, когда мы минули дворец.

Как по команде я посмотрел на Алису, она на меня. Мы стояли в самом центре Земли, за рамками приличия, на краю весны. И если тела наши ещё могли держаться друг за друга, то желания давно уже упали и стали настолько низкими, что пешеходы, проходя мимо, оставляли завистливые взгляды на двух влюблённых психотиках, целующихся на мосту.

Нас не спасло ни время дня, ни улиц гул, ни вооружённые локтями, взглядами скупые люди. Двое на ровном месте канули на розовое дно колодца, есть такого рода пропасти. Мы ушли, исчезли, утонули во влаге внутреннего мира друг друга, одни завидовали вслух, другие молча, видно, тоже не против были испытать провалы в поцелуи.

* * *

– Что ты не спишь? – проснулась она от его поцелуев.

– Соскучился.

Ей скучать не хотелось.

– Я так хочу спать. Завтра кошмарный день. Мне нужно выспаться.

– Спи, конечно.

– Как я могу спать, когда ты меня будишь постоянно, берёшь меня за грудь.

– Я тебя не трогаю. Спи, – убрал я руки и отодвинулся от жены.

На часах четыре утра. Спать не хотелось. Чтобы как-то отвлечь себя от тяжёлых мыслей, я пошёл на кухню, набрал в чайник воды и поставил на огонь. Затем открыл шкаф, достал гречку и рассыпал на столе, будто намереваясь собрать из этой коричневой кучки мандалу, начал тщательно выбирать мусор. Покончив с этим, нарисовал греческий круг, сам того не осознавая, расчертил его на лабиринт, в который я попал. Когда мне надоело плутать по нему пальцем, я сделал из него греческую богиню без рук, но с пышными формами и стройной талией. Она успокаивала меня, особенно по утрам. А этим мне не светило ничего, даже солнце отказалось. Унылым облаком завалило проход неба. Я бросил окно, взял пачку сигарет и достал одну. Опёрся задницей на край стола и закурил, мне не нравилось, когда курили в помещении, особенно в котором я ел, но себе я мог иногда сделать поблажку. Та, не долго думая, окутала голову туманом и запустила в моём компьютере сложный мыслительный процесс, тот, в свою очередь, не выдержав нагрузки, задымился. На самом деле мой органический компьютер ни

о чём не думал или, точнее сказать, не хотел ни о чём думать. Он вообще ничего не хотел. Он знал, что сейчас в него зальют чашку кофе и, возможно, тогда реакция сдвинет мысли в нужном направлении, те будут отмечать на карте памяти, ставить флажками пункты назначения. Одна за другой полетят они по извилистому коллаидеру. А ты только успевай отбрасывать негативные, устаревшие и больные. Если тебе это удаётся, то счастья не миновать.

Когда дыма стало слишком, я снова обратился к окну. Что мне сулило открытое окно? Сквозняк, проветривание, насморк, крики улиц, запуск сигареты, связь с природой, глоток свободы. Я действовал по сценарию и даже шмыгнул носом.

Взял в руки телефон и залез в Интернет. Её письма отвлекали меня, они выдирали меня из рутины семьи, работы, быта. Особенно они были хороши в тот момент, когда не хотелось никого видеть, никого слышать. Эта бесконечная цепочка цинизма, звено в звено обвязывало тот самый дуб, который сейчас рос на кухне в одиночестве, ни рябинки тебе, ни даже учёного кота.

«... Жизнь для женщины должна быть танцем, в котором её ведёт партнёр. Я знаю, здесь ты саркастично улыбнёшься: “Смотря куда”. Он должен видеть “куда”, он должен чувствовать “когда”, ей достаточно только знать “зачем”. Я была пустым сосудом до этой ночи, а после ты меня наполнил. Только не вздумай пошлить на эту тему, ты наполнил меня собою. Ты попался, ты теперь в моём внутреннем мире».

Прочтя такое, пальцы мои невольно начали танцевать в ответ:

«Я знаю, сейчас ты открыла меня на какой-то странице, читаешь. Нет, не с начала, а где-то посередине, где прошла добрая половина жизни, половина всех женщин. Ревностью к прошлому тебя грызёт эта полночь, своим перезвоном, когда хочется спать. Ты спросишь: “Хотелось ли мне спать с ними со всеми?”

– “Не знаю, но так получилось”. Перелистни страницу, там должно уже быть про тебя написано. Жёлтым по синему, солнцем по небу, ты и есть та единственная, которой закончится книга».

Утро, заправляем в штаны всю нашу любовь, пьём кофе, уже мысленно надевая обувь, уже мысленно кто-то наступает нам на неё в метро и мы отвечаем тем же случайным прохожим. Кто-то прошёлся по нам, будто ходил всю ночь. Марина наводила марафет на своём лице у зеркала, вглядываясь внимательно в свои глаза и прилегающие районы, если не сказать зоны стихийного бедствия. Утро измеряется опозданиями, в утренние часы мы мчимся куда-то сломя голову на циферблат, на себя не похожие совершенно, словно не мы это вовсе, а те, что должны сегодня беспробудно работать, до самого вечера, чтобы вновь обрести себя, чтобы вечером, стать немного добрее, вытирая с туфлей осеннюю пыль приятных воспоминаний.

Правая рука Максима сжимала телефон. Марина аккуратно вытащила трубку, посмотрела на экран и отдала её подоконнику. Потом вышла из дома, оставив мужа, спящего в постели в одежде.

* * *

– Вы замужем? – спросила соседка.

– Нет.

– Вы никогда не были замужем?

– Нет.

– А я-то думаю, откуда такое счастливое, не тронутое бытом лицо.

– Шутка, была, конечно, но уже давно. Я почему-то на автомате ответила «нет». – Марина знала, почему она соврала, она до сих пор не могла поверить в то, что разведена. И чем больше она хотела стереть этот статус со страницы своей жизни, тем сильнее он проявлялся. Поезд

уносил всё дальше. Из всех впечатлений за окном самым глубоким было то, что дорога эта железная бесконечна. Как и бесконечен пейзаж за стеклом, забор, рисунки которого утоляли голод души. «Почему бы так же не выкрасить стены тоннелей метро? Было бы одно удовольствие ездить на работу, возвращаться – другое».

– Ты любила его? – Часто Тома переходила на «ты», она никак не могла определиться какая форма обращения быстрее поможет скинуть форму отчуждённости или хотя бы расстегнуть её, чтобы сделать первую менее формальной. Она всё время думала о бутылочке выдержанного коньяка, который уже два дня выдерживался у неё в сумочки.

– Я? Иногда мне кажется, я до сих пор ещё люблю!

– Зачем же было уходить?

– В остальное время он меня бесил, – вспомнила Марина своего мужа, долговязого, долгорукого, его умудрённое бизнесом лицо, с морщинами чувства юмора. Она даже увидела, каким долгим стало бы и его лицо, услышав этот глагол. Нет, конечно, не мог он её бесить, скорее, она его.

– Как же вы жили вместе?

– Так и жили, – вытянула за нить из стакана мокрый пакетик чая Марина и начала выдавливать из него о стекло ложкой последнюю кровь. Это было скорее нервное, чем необходимое.

– Мне кажется, я понимаю, вы сталкивались на выходе коротким замыканием счастья.

– Ага, счастья прямо полные штаны, – нахмурилась Марина. Ей на секунду не понравилось, что залезли в её личную жизнь, пусть даже и прошлую. Вроде как кто-то рылся в гардеробе и примерял на себя её платья и не только.

– А почему расстались? – «Ей тоже не мешало бы выпить», решила Тома.

– Скучно ему стало, – глотнула Марина, добытого из пакетика чифира. Поморщилась и отодвинула от себя стекло.

– И он столкнулся с другой, – улыбнулась Тома, потянулась за сумкой и достала оттуда бутылочку. – Нельзя заставлять своего мужчину долго скучать, это опасно, – представила она Марине коньяк, повернув его лицом: – Будешь? Люблю дагестанский, он как настоящий джигит, всю ночь признаётся в любви, что башню сносит, а утром никаких последствий, его и след простыл и голова не болит.

– Нет, я крепкое не пью, – не знала Марина, как ей реагировать на предложение. – Чем опасно? – решила продолжить диалог она, держа в голове тот же самый вопрос: «Опасен ли алкоголь для шизофреников».

– Он обязательно начнёт искать себе для этого компанию, – откупорила бутылочку Тома и налила того же цвета немного в стакан из-под чая.

– Твой тоже нашёл?

– Ну, как тебе сказать. Была любовь, мы слизывали её жадно и беспощадно, как мороженое с палочки, она же, сладкая и очаровательная, исчезала, пока совсем не растаяла, потом только палочку в урну два раза в неделю, а то и в месяц. Вот и вся любовь.

– Прямо в точку, в точку G, – удивилась прозорливости соседки Марина и воспользовалась любимой фразой своей подруги по работе. Сама она, Марина, конечно, никогда бы не смогла это объяснить так точно. Дура и есть дура. Ну и что, какая есть.

– Мы не одиноки. Бабское всегда можно обобщить, в отличие от мужского, то уникально, – засмеялась Тома, потом подняла стакан и опрокинула коньяк в себя.

– Ага, как точно ты про них. А вы из тех, кто всех видит насквозь, наверное. По одному взгляду.

– По запаху.

– Да? И как узнать своего мужчину?

– От него будет нести твоими мечтами, – посмотрела Тома на Марину подобревшими глазами.

Марина пыталась вспомнить, несло ли мечтами от мужа, когда она его увидела впервые. На память кроме сладко-кислого запаха палой листвы ничего не приходило.

– Что вы замолчали? Пытаетесь вспомнить запах того времени?

– Ага.

– Ну, и как?

– Пахло листопадом.

– Я бы сказала, муравьиной кислотой. Знаете, лес в сентябре пахнет ею, аж нос щиплет.

– Вам виднее, – почесала бессознательно нос Марина, будто его укусил муравей.

– Ну всё же удовольствия какие-то в жизни совместной были? Не всё же одна кислота?

– Скорее да, чем нет.

– Сейчас их почти нет, ты хочешь сказать?

– А что, заметно?

Тома шмыгнула носом:

– Я это чувствую по твоим духам.

– А что с духами не так? – встрепелась Марина.

– Сладковаты. Стремление к сладостям всегда говорило о нехватке любви. Да, удовольствия стали дороже, – рассуждала вслух Тома. – Поэтому мы их растягиваем, словно они резиновые. – Она махнула налитые себе пятьдесят коньяка и закусила печенькой. – Мир изменился, я знаю, – скромничал в парфюмере ангел. – Сейчас заниматься любовью без презерватива – всё равно, что без любви.

– А я привыкла уже без любви, в смысле ты права, мне не с кем.

– Это дурная привычка. Женщина должна трахаться, непременно и лучше даже сразу пока есть влюблённость, не дожидаясь большой любви. Её ведь может и не быть.

Марина отвлеклась от губ соседки и вспомнила своего ночного незваного гостя. «Могла ли я рискнуть? Могла, пожалуй, но не рискнула, что-то её остановило. Интуиция? Порядочность? Отсутствие навыков? Не хватило легкомысленности. А где их было взять – лёгкие мысли, если голова забита сплошь тяжёлыми».

– Женщине это необходимо чтобы не постареть раньше времени. А вообще, чисто профессионально признаюсь вам: женщину делает аромат, именно аромат. Только он может вознести её так, чтобы мужчине хотелось носить на руках. Они сами об этом не всё знают.

– Ты про духи? – уже начала комплексовать по поводу своих Марина.

– Я про рот. Именно он – источник поцелуев. Если там всё в порядке со вкусом, то и с поцелуями проблем не будет.

«Может в этом причина? Вроде я почистила зубы», – снова вспомнила она своего попутчика, и ей срочно захотелось дыхнуть себе в ладонь, чтобы ощутить свой запах, но Марина сдержалась и только улыбнулась.

– Гормональная диета – самая опасная для женщины, – продолжала жевать печенье Тома. Она ела его осторожно, как кошка, сначала принюхиваясь потом разламывая на две половинки, между которыми лежал крем, и только слизав его, она принималась за мучной скелет.

– То есть у вас с этим всё в порядке?

– Ну, по-разному бывало. Жизнь возила меня такими троллейбусами, что врагу не пожелаю: там толпа, и все хотят вытянуть счастливый билет, и когда понимают, насколько безнадёжно это занятие, выходят на первой попавшейся остановке... Чёрт знает за кого. И любимой была, и любовницей.

– Есть разница?

– Чем дольше в любовницах, тем сильнее ощущение, что становлюсь проституткой одного клиента.

– Ну, ты скажешь.

– Я знаю. Проститутками не становятся, даже не рождаются, ими пользуются. Очень грустно быть пользой, только узнаешь об этом потом.

– А где ты его нашла? – спросила скорее по инерции, чем из интереса Марина.

– Для меня знакомиться не проблема, целоваться проблема, я же начинаю анализировать всю подноготную, всю поджелудочную, в силу своего профессионализма. Особенно женские духи, мне кажется у меня на них уже стойкая аллергия, да и на мужиков, от которых разит другими женщинами. От этого пахло мужеством. Началось всё с банального, как-то зашла после работы в кафе, а там он:

«– Кофе будете?»

– Да.

– А шоколад?

– Откуда вы знаете про мои эрогенные зоны?

– Мне всё время подсказывают оттуда, – ткнул он пальцем в небо и снова уставился на меня.

– Что вы на меня так смотрите?

– Пытаюсь разглядеть жену».

Ты же знаешь, ночью легче знакомиться. Потому что в результате естественного отбора остаются, как правило, люди, которые точно знают чего хотят. А те, что не знают спешат на последнюю электричку метро. Они бегут прочь от приключений, и их можно понять, завтра вставать на чёртову работу и надо выспаться, а не переспать. В общем, мы влипли друг в друга. Он без ума от меня, я без ума от него, – налила себе ещё немного Тома. – Кинули мозги на полку и любили друг друга так, что рыдали и кровати, и пол, и соседи.

– Какое расточительство, – перебила её улыбкой Марина.

– Да, мне пришлось выкинуть всю старую мебель, чтобы пригласить его пожить в моей голове. На тот момент у меня в голове была сплошная альтернатива: второе высшее или второй раз замуж? Хотя я-то понимала, что кофе – это не тот напиток, после которого можно рискнуть будущим. Знаете аксиому кофе: что с него начинается, то им и заканчивается.

Марина снова выпала из беседы: «Воскресенье для неё всегда было слишком мало, чтобы понять его умом. Это последняя черта, за которой тебя ждут свои будни с чужими тараканами в голове. Но сегодня они решили захватить и воскресенье. Вот, а хотела просто спокойно почитать и выспаться».

– У тебя бывает такое, что какой-то мотивчик как засядет, так и гоняешь его в голове целый день, – продолжала полоскать своё бельё Тома. – Так вот у меня там бывший. Гоню его, а он всё приходит. А у тебя что с бывшими?

– Что-что, звонят.

– Вот и мне звонят. Я всегда их волновала и буду волновать, как море любви, в которое им больше никогда не окунуться. Но с этим другое дело, я чувствовала себя с ним женщиной... Уходит такой мужик и всё, ни чувств, ни женственности. Одна тупая хандра по всему горизонту. – Глаза Тома заблестели, словно бриллианты при виде света. – Иногда, гуляя, мы брались за руки, – ушла Тома дальше в свои воспоминания, – будто боялись, что кто-то сможет разбить нашу чашу любви. Осколков кругом бродило полно. Не только осколков, но и огрызков, и объедков некогда большой любви, это было видно по их грустным как осеннее небо глазам. Иногда я писала ему письма, нет, не на бумаге, в своей голове, лягу на диван и пишу, длинные проникновенные, ставлю, как положено, точку в конце, потом... комкаю и в корзину. Чёрт, не могу, не хочу ставить точку. Хочу продолжения.

Марина не верила в разговоры по душам с незнакомыми людьми. Но как бы она ни пыталась от них отгородиться, ей очень важно было чужое мнение. Она понимала, что все так или иначе от него зависят, в особенности те, кто этот факт отрицает. Так они и боролись где-то в

глубине сознания, своё и чужое, демонстрируя, что если чужое мнение – это отражение того, что ты существуешь, то своё – того, что ты живёшь.

– А ты всё больше молчишь, – ощутила холодок равнодушия к её рассказам Тома.

– Не обращай внимание. Одиночество – это моя среда. Я там как рыба в воде. Хочу-молчу, не хочу – тоже молчу. Как мне бороться с одиночеством, я не знаю.

– От настоящего одиночества у женщины только два средства: либо выйти замуж, либо развестись.

– Это уже было, не хочу повторяться.

– Я тоже, бывает, лежу в одиночестве думаю: «Мужика бы». А потом сама себе: «Да ты вспомни своего героя последнего, а оно тебе надо?»

– У тебя вино есть?

– Хочешь выпить?

– Нет, хочу поговорить.

* * *

Инь: Как давно мы не гуляли вместе в парке.

Янь: Что даже листья опали.

Инь: Как давно мы не ходили в кино.

Янь: Что даже оно стало цветным.

Инь: Как давно ты не делал мне массаж.

Янь: Что у меня эрогенные зоны стали зонами.

Инь: Как давно ты меня не целовал.

Янь: Что губы целуют друг друга.

Инь: Как давно ты меня не любил.

Янь: Что я даже не знаю, что такое разлюбить.

Инь: Как часто мы ссоримся.

Янь: Что без этого уже скучно.

Инь: Как часто мы молчим.

Янь: Потому что и так понимаем.

Инь: Как часто идёт дождь.

Янь: Что даже глаза не сохнут.

Инь: Как часто ты приходишь.

Янь: Что даже я сплю.

Инь: Как часто ты уходишь.

Янь: Что даже я ушла.

Инь: Куда?

Янь: В мартини. Кстати, что это за дрянь в моём бокале?

Инь: Мои губы.

Янь: Сколько мне их ещё пить?

Инь: Всю жизнь.

Янь: Что это за дрянь в моих мозгах?

Инь: Женищина.

Янь: Сколько мне её ещё носить?

Инь: Эпоху.

Янь: Что за дрянь в моих инстинктах?

Инь: Похоть?

Янь: Сколько мне тебя ещё хотеть?

Инь: До смерти.

Янь: То безумие или корысть?

Инь: Банально – повод.

Янь: Значит, подсознание.

Инь: Подсознание в итоге безупречно.

Янь: Да, у моего сознания был риск без чувств засохнуть, если бы не ты.

* * *

На часах понедельник, и это немного тревожило, силу воли натягивая вместе с колготками, Алиса была уверена, что ничем не обязана прекрасному этому миру, разве что выйти из дома вовремя. Она посмотрела на мужа как на сожителя или на сожителя как на мужа: любимого, спящего, сильного. Хотела поцеловать, но остановилась, всем поцелуям сказала – некогда, потом подошла к зеркалу, сделала контрольный выстрел помадой, её губы налились кровью, молча призналась себе, что хочется быть раскованной, молодой, влюблённой, но на часах понедельник, надо брать себя в руки и выглядеть строже.

Мне не встать. Понедельник наступил... прямо на меня. Понедельник был из тех, кого не интересовало моё прошлое, чем я занималась все выходные и с кем. В понедельник я как никогда жду вечера. Когда домофон сообщает мне, что ты пришёл, я лечу к зеркалу, убираю лёгкими пальцами тени усталости, отпираю дверь и жду, считая этажи надвигающегося на меня лифта, который поднимает вместе с тобой моё настроение на самый верхний этаж, – сделала она очередную запись и поставила число.

Потом перелистнула пару страниц, пару-тройку лет назад.

Если лето для Алисы показалось коротким отрезком от станции А до пункта В, потому что его звали Владимир, то зима оказалась длинной диагональю от А до Я, так как пункт В внезапно исчез с её пути и стоило большого труда вернуться к себе. Мужчины, которые приглашали её на свидания, были странные, кто-то вёл трезвый образ жизни, кто-то торопился нажраться. И те, и другие не вызывали не только доверия, но даже такси, и ей приходилось ехать домой на метро.

«Бред, подростковый бред», – подумала она про себя. Володей был их преподаватель физкультуры на первом курсе, который вряд ли её помнил. Глаза Алисы побежали дальше на другую страницу.

Она не верила в воскресные свидания, но это подмывало её чувства только одним: вдруг не надо уже будет идти на работу в понедельник, и вообще не придётся больше работать.

Вторник, как второй мужчина: появляется для того, чтобы быстрее забыть понедельник. Вторник отдавал понедельником. Любви в нём было мало, сплошная дружба. Курить я бросила, кофе в меня уже не лез, обсуждать очевидное надоело, в общем, дружить сегодня не хотелось.

Странной пустотой отдавал этот день, было даже ощущение, что это понедельник. Пригляделась, нет, среда. Среда моего обитания.

Четверг-рутина. Проснулась сегодня. Посмотрела в окно, а выходить не хочется.

«Интересно это я про погоду или про жизнь?»

Суббота – это тёплый халат, в который можно завернуться в конце недели и скинуть для воскресения чувства.

В воскресенье проснулась поздно, голова была тяжёлой, а во рту неприятный вкус понедельника.

* * *

Понедельник. Марина тщетно пыталась собрать себя из разрознённых деталей сна, однако ничего путного из этого не вышло, они так и остались лежать запчастями в памяти. Этот наступивший понедельник был выходным и от этого ещё более странным, потому что идти было некуда. С утра так необходимо найти собственное «я». Процесс его самоидентификации шёл медленно. Я встала и прошла через платье в ванную, потом на кухню, чтобы окунуться в кофе. Жизнь как ребус.

Марина понимала, что это происходит отчасти оттого, что теперь полностью принадлежит сама себе, и некому нести за неё, что ответственность за саму себя теперь легла на её плечи. Теперь она знала точный ответ: ответственность – это когда мужчина может ответить на все женские вопросы, чтобы той было приятно на него положиться. Ей было неприятно.

Сначала одно только прикосновение того, что он нежился с другой, повергает в уныние, но это только цветочки, потом ты начинаешь понимать, что ею, другой, засраны все его мозги. Она не знала, что делать, как себя теперь вести и главное – куда. Хотя доказательств по-прежнему не было, одни только улики, осадки и отсутствие секса.

Сижу на кухне, делать нечего, есть не хочется, собираю пальцем крошки со стола, в одну небольшую кучку, потом ставлю чайник, открываю буфет, который радуется мне сверкающей фарфоровой улыбкой. Я достаю чашку, ставлю её на стол и обращаюсь к окну. Там осень. Деревья голы – верный признак идти за зимними сапогами. Листьев почти нет, все они в моей ладони. Чайник закипает, я выключаю его машинально, высыпаю чай из ладони в фарфор, завариваю саму осень, наливая в чашку и пью. Снова погружаясь в ближайшее будущее, открываю морозилку, отчётливо ощущаю, что скоро зима, достаю оттуда холодную курицу и бросаю в раковину, чтобы разморозилась. «Хватит хандрить, курица!» – говорю себе вслух. Весна не за горами, а там и лето. Натру её хреном, и в духовку.

– Что с тобой? – поцеловала она его в щёку, когда муж появился на кухне, сонный и чужой.

– Отравился.

– Чем?

– Понедельником. – «Октябрь, тот же кофе, мы другие», крутил он в своей голове мысль. «Кофе всё крепче или мы стали более мягкотелы, он горяч, мы холодны, дежурны поцелуи, не греют, будто губам нашим выключили отопление. Они просто поддерживают быт, слова не проникают, сколько не мешай в них сахара и сливок, только привкус памяти на языке, влюблённая ты, я без ума от другой. Октябрь, даже он похож на апрель».

– Ты не одинок и завтра поправишься.

– Надеюсь. Как у тебя? – достал он из холодильника два яйца.

– Думаю сходить в салон красоты, – удивлённо посмотрела на мужа Марина. Обычно она жарила ему глазунью.

– Хочешь поправить настроение? – выложил осторожно в кастрюльку с водой два бильярдных шара Максим.

– Именно, а то кошки на душе скребут.

– Правильно, сделай им маникюр.

– Как ты думаешь, если я надену это платье? – оголила Марина свою грудь, скинув одну лямку платья. Не слишком вызывающе?

– Мир не перевернётся, – поставил он железную посудину на огонь.

– А мне надо, чтобы перевернулся.

– Ну, Земля же круглая.

– И что? Опять ты всё выворачиваешь наизнанку.

- Считаю, что мир переворачивается ночью, когда ты его снимаешь, своё платье.
- А я что сейчас, по-твоему, сделала?
- Извини, не заметил, – искал Максим крышку для кастрюльки, хотя не больно-то она была и нужна – Просто тебе надо найти мужчину, который будет это замечать. Идеального для тебя, – ощущал он, что своими новыми отношениями, прошёлся по чувствам жены, как серпом по яйцам.
- Нет, мне не нужен идеальный, мне нужен тот, с которым я буду чувствовать себя.
- Кем?
- Просто чувствовать. Не только «кем», но и «когда», не только весной, но ещё и летом.
- О, у тебя появилось чувство юмора. Поздравляю, – надел он железную шляпку на яйца.
- Дурак, разве ты не видишь, что-то изменилось между нами, что-то сломалось, – понимала Марина мысленно, что всё, но всё ещё боялась себе это озвучить.
- Деталь, да, наверное, и не одна. Их можно заменить, – всё ещё смотрел на кастрюльку Максим, будто яйца могли сбежать.
- Уже слишком много деталей, которые отдаляют меня и их не заменить. Я понимаю, что у тебя другая баба, что она моложе, что она лучше. Но я-то здесь причем? Я же не б/у, которое можно вот так запросто выставить из своей жизни, как сломанную стиральную машину или микроволновку. Меня кинули, вот сейчас, я понимаю, что надо вставать, но хочется отлежаться тупо, забиться с одиночеством.
- С каким-нибудь мужчиной по имени одиночество, – недовольный жизнью, пытался язвить Максим.
- Вот она, та самая дистанция, тот самый шаг от любви до ненависти. Утешать значило бы давать надежду на любовь дальше, значило бы унижать достоинство Марины ещё циничнее, а презирать значило бы пустить коту под хвост все совместно-нажитые годы. Он отбивался, как мог. Нет, не защищался, именно отбивался, чтобы не нанести больший урон своей ещё жене.
- Одиночество – это последствия естественного отбора. У тебя появился другой? – наконец оглянулся он и посмотрел на жену.
- Да. Ты стал другим. А у меня нет запасных деталей, – повесила Марина обратно лямку на плечо вместе с тишиной, в которой было слышно, как начали стучаться яйца в железное дно в нетерпении, то и дело выбрасывая пар из-под крышки.

* * *

Янь: Какой сегодня день?

Инь: Среда. А что?

Янь: Будто третий понедельник подряд.

Инь: У меня тоже такое бывает. Потерпи. Ещё два понедельника и сразу суббота.

Янь: Я не настолько толерантен. В понедельник я понимаю, что всё ещё не люблю людей.

Инь: Кого же ты любишь?

Янь: Женщин.

Инь: Я тоже их иногда люблю, но думаю, что гораздо реже, чем ты.

Янь: Надеюсь.

Инь: Я не хочу других испытаний, чтобы они влияли на мою жизнь.

Янь: А какое из испытаний в жизни больше всего влияет на женщину?

Инь: Испытание оргазмом.

Янь: Я так и знал.

Инь: Хочу испытаний, нет, даже пыток.

Янь: Девушка, я вижу вас что-то тревожит?

Инь: Мне срочно, необходимо за вас выйти замуж.

Янь: Уверены? Вы меня плохо знаете.
Инь: Важно другое: вы видите то, что до лампочки остальным, я давно такого искала.
Янь: Иногда важнее не видеть, я про недостатки.
Инь: Что ты против них имеешь, недостатки – это моё всё.
Янь: Теперь и моё тоже. Доехали?
Инь: Да, дома уже чай пьём! Как у тебя?
Янь: Хорошо. Маме привет!
Инь: Обязательно! Завтра поздравишь.
Янь: Обязательно
Инь: У меня солнечно и жарко! Загараю на лужайке у дома. * ЗагОраю
Янь: Классно!! Шоколад я люблю. Уже скучаю! Иду стричься!
Инь: Только не налысо!!!)
Янь: Разве лысого ты меня любить не будешь?
Инь: Буду!
Янь: Приезжай скорее, я растегну твоё платье.
Инь: Встретишь меня?
Янь: Хорошо, жду! Позвони, как будешь в метро.
Инь: Я зашла в метро. Минут через 30 буду. Или даже быстрее Ау... Ты встретишь меня?
Янь: Хорошо, жду!
Инь: Только не опаздывай, а то уже поздно, а я в платье... Люблю тебя! Сильно.
Устроим сегодня постельную вечеринку.
Янь: Дама жаждет секса?
Инь: Только предупреждаю вас, я абсолютно не сексуальна.
Янь: С чего вы взяли?
Инь: Это вы меня взяли, чтобы не досталось другим.
Янь: Ну, что же буду прививать сексуальность. Могу предложить черенкование.
Инь: Метод эффективный, но мне кажется, женская сексуальность – это качество врождённое, как талант, который для развития требует постоянных вложений.
Янь: Сексуальность вообще не качество, а количество ослепших от тебя мужчин.
Инь: После секса?
Янь: До.
Инь: Ре.
Янь: Ми (нет).
Инь: Фа (к оф) Вы настоящее животное!
Янь: Я знаю.
Инь: Вас надо в зоопарк!
Янь: Совершенно верно.
Инь: Вы просто хищник.
Янь: Да, погладьте меня, мадам.
Инь: Чёрт, я пропустила остановку. Прибавь ещё 10 минут.

* * *

Неожиданно поезд качнуло, и чай, выйдя из стеклянных берегов, побежал вниз по гра-
нёным дорожкам, пока не ассимилировался с белой скатертью, породив в этой короткой связи
метиса. Тот схватил телефон, который лежал на столе, своими горячими влажными пальцами,
будто ему срочно нужно было позвонить кому-то. Марина отобрала у него трубку и стала
быстро стирать чай с поверхности экрана, который показывал уже полночь. Капли чая стекали

с цифр и падали вниз. Марине вдруг показалось, что это утекало её время. Каждая секунда как капля. Талантливая жидкость хорошо чувствовала время. Она утекала вместе с ним, сквозь скатерть, сквозь пространство. Временем насквозь промокла скатерть.

Утро брызнуло белым аэрозолем на тёмный горизонт. Оно ещё абсолютно не знало, что из этого дня может получиться. Рисовало, как всегда, по наитию, как всегда, получалось в итоге неплохо. Марина взяла в руки свой электронный роман.

– Утро вроде как наступило, а ты ещё нет, ты боишься наступить, потому что под кроватью может спать кот. Так и лежишь, ждёшь, пока он проснётся.

– Встал давно он уже. И уже варит чай.

Марина представила кота, который варит чай. Как он вытряхивает старую заварку в мусор, потом моет чайник, обдаёт его кипятком, при этом постоянно шипит сам, так как не очень любит воду. Потом ему всё это надоедает, он достаёт из холодильника сливки и начинает сладко облизываться ими.

* * *

– Не спится? – оторвала её от книги Тома. Она смотрела в упор и улыбалась.

«Улыбаешься мне, а в глазах твоих сквозит какая-то неопределённость», – подумала Марина.

– Тебе тоже?

– Ещё бы. Мне уже детей пора заводить, а я с любовью пока не определилась. Чувства всегда были инертны: расстался с человеком, не видишь его и уже давно делишь кровать с другим, а они всё приходят и приходят, галдят и не дают спать. Во мне так много любви, что как только я пытаюсь признаться, чтобы кто-то ещё её признал, чувствую, что звучит банально, слов не хватает передать своё внутренне, как будто там всё говорит на другом языке. Вот в тебе тоже полно любви, это видно сразу.

– Пожалуй, полно.

– И что ты с этим делаешь?

– Я скромничаю, я делаю вид, я стесняюсь...

– Вот-вот, стесняешься нарваться на комплимент, – сделала свою ремарку Тома, потом поправила подушку и снова положила на неё беспокойную голову.

– Я даже не могу произнести первой: «Я люблю». Какого чёрта? Почему я не могу сказать то, что хочу, кого хочу, как хочу.

– Потому что ты боишься, – не могла больше лежать Тома и села, уперев свои ноги в мою полку.

– Чего я боюсь?

– Ты всё ещё верна своему старью. Ты боишься быть собой. Что ты замолчала?

– Думаю, как же трудно быть собой, – погас экран планшета в руках Марины.

– Ага. Особенно самой собой. Проблема умных женщин в том, что они продумывают четвёртый-пятый шаг, не сделав ещё и второго. Люди не меняются, но и не повторяются. Они как дни недели: есть люди-будни, то есть с которыми хорошо работать, однако тех, с которыми можно полноценно отдохнуть, – пара человек, а может, и один.

«Была бы умной, разве ехала бы я сейчас одна? Даже ты, какой бы разумной ни была, всё равно с носом, одна!» – усмехнулась про себя Марина.

– Люди никогда меня не поймут. И дело даже не в том, что я сама себя не могу понять. Дело в том, что мне нужен один, который сумеет это делать лучше других, лучше меня, – смотрела в окно Тома, где замедлялась жизнь какой-то станции, будто именно здесь мог оказаться тот, который делает всё лучше других. Видно было, как она, словно станционный смотритель, перебирает глазами встречающих и пассажиров.

– Не делайте мне больно, господа! – вытянула Тома из себя строку известной песни и ещё грустнее добавила: – Тем более холопы...

* * *

Янь: Опять выходные решила дома провести?

Инь: Погода сегодня никудышная.

Янь: Да? Вроде солнце светит.

Инь: Светит, но никто не звонит. Ты тоже не звонишь, только пишешь. Чего-то мне всё-таки не хватает в жизни. А чего – не могу никак понять.

Янь: Может быть, любви?

Инь: Нет, что ты! Мужик у меня есть. Мы друг от друга без ума.

Янь: А-а-а-а. Теперь понятно, чего не хватает.

Инь: Правда, у него есть один недостаток: он женат.

Это ещё не всё.

Янь: Что ещё?

Инь: Недостатки есть и у меня. Если быть откровенной до конца, я самая обычная ленивая дрянь.

Янь: Ты не слишком самокритична? По-моему, ты сильная и волевая женщина.

Инь: Вот, теперь я ленивая дрянь, которая умеет провоцировать на комплименты.

Янь: Может, просто не выспалась?

Инь: И это тоже.

Янь: Одна спала?

Инь: Да.

Янь: Значит, гормональное.

Инь: Как у тебя с этим?

Янь: Я не один, но тоже не выспался.

Инь: Значит, аморальное.

Янь: Кстати, ты злопамятна?

Инь: Нет, что вы, я не злопамятна, я предпочитаю мстить сразу.

Янь: Какие планы на жизнь?

Инь: Любить.

Янь: Я про сегодня.

Инь: Любить.

Янь: Выключи автоответчик.

Инь: Не могу... Хочу.

Янь: Может, сначала кофейку?

Инь: Да поздно уже.

Янь: Ладно, коньяк так коньяк.

Инь: Странно сложился мой субботний вечер: позвонил один – отказала, позвонил другой – отказала, потом как отрезало, наступила тоскливая тишина. Пока ты меня не спас.

Янь: Я же знаю, что самое грустное для женщины, когда некому отказать.

Инь: Когда увидимся?

Янь: Завтра.

Инь: Завтра так завтра. Тогда нечего на меня сегодня пялиться. Кстати, чем это ты сегодня так занят?

Янь: Любуюсь. Красиво ходите!

Инь: Вы ещё не знаете, как красиво я ухожу.

* * *

Я качался в кресле в своём кабинете, пытаюсь собраться с мыслями, но мысли не собирались, они игнорировали, предпочитая дебаты в курилке дум, не голова, а полная фракций Дума. Одна из мыслей, самая мрачная, кружила под потолком, после каждого дежурного облёта пытаюсь выйти за пределы, на волю, в весну, втыкаясь всем телом в стекло. Качаться мне надоело, и я перешёл к более действенным методам: я начал кататься на кресле от стенки до стола и обратно. За этим развлечением меня застала Катя, которой я успел чуть раньше заказать кофе.

– Кстати, звонили опять пожарники.

– Вам, Катя?

– Мне.

– Их было много?

– Я разговаривала с одним.

– Голос приятный? – продолжал я кататься на кресле.

– Мужской.

– Ну и как? Затушили пожар вашей страсти?

– По поводу плана эвакуации. Вы обещали подумать. Есть какие-нибудь мысли, Максим Соломонович? – стала очень серьёзной Катя.

– Есть. Одна, – указал я на толстую муху, что ввинчивалась сверлом в стекло окна. – Слышишь, как поет? Просится на волю, – её жужжание действительно напоминало нытьё капризного ребёнка. Однако через мгновение муха взяла себя в крылья, оторвалась от стекла и взмыла вверх.

– Опять меланхолите, Максим Соломонович?

– Катя, вы должны помочь мне её поймать. Эту мысль. Вы же видите, она разогнала все остальные...

– Я не умею ловить мух.

– Мне нужна ваша помощь. Вы же не оставите меня без помощи? Беспомощным.

– А кофе на что?

– Ну хорошо, не поймать, но хотя бы тогда убить, – пытался я скорее чем-то развлечься, выкинуть из головы вчерашний тяжёлый разговор с тещей, которая приехала месяц назад и никак не хотела уезжать. Она хотела взять Питер, то есть остаться у нас насовсем, но насовсем меня совсем не устраивало, так как мне одной женщины в доме вполне хватало. Разомлев на первых родственных пирогах, я как-то не сразу заметил, что она уже через три дня жизни в моей квартире начала пытаться управлять нашей какой-никакой семейной жизнью. Это было странное ощущение, когда ты начинаешь чувствовать себя дома не в своей тарелке, в которой тебя пытаются приправить специями и съесть. Было непривычно возвращаться с работы, понимая, что домой тебе вовсе не хочется или хочется, но уже не так. Что в силу того, что ты ещё не привит к этому вирусу, начинаешь следовать указаниям извне, начинаешь заранее просчитывать свои телодвижения, чтобы избежать лишнего упрёка или комплимента, начинаешь ёжиться от излишней псевдозаботы. Я не был женоненавистником, я готов был её полюбить, как родственницу, как мать моей жены, но, видимо, она не так нуждалась в любви, как во власти. Алчная женщина, она хотела упорядочить наше всё. «Менеджер мне не нужен!» – вспомнил я свою вчерашнюю последнюю реплику, после которой всё стихло. И у меня появился враг в лице тещи и союзник, который не знал, к какой стороне ему примкнуть, в лице жены, та держала нейтралитет, балансировала между нами, пытаясь сгладить скандал. Она не могла понять, каким несчастьем могло это обернуться для дома, как рано или поздно ему снесёт крышу, если он попытается приютить их обоих.

– Для убийства нужна веская причина.

– Представьте, что это мой самый лютей враг, – на ум снова пришла теща и начала топтаться в своих мохнатых тапочках, которые раздражали. Потом резко ушла вверх. С высоты она уже вынюхивала что-то, кружась надо мной чёрным вертолётником, составляя карту местности, вынашивая очередную план нападения.

– У вас есть враги?

– Разве вы не слышите, Катя, – перестал я кататься на кресле и взял со стола чашку кофе, которой уже начинала интересоваться теща.

– Хорошо, сейчас принесу мухобойку.

– У вас есть оружие? Что же вы раньше не сказали, Катя?

– У меня есть всё, – скрылась за дверью Катя.

Я вспомнил холодную ночь с женой, холодный утренний кофе взглядов, когда решил вымыть чашку за собой в знак доброй воли:

– Привет. Как ты? – отправил я ей смс-ку. Мне нужны были союзники.

– Как на качелях: к тебе, к себе, к тебе, к себе, – засветилось на моём экране через несколько мгновений. – Мама собирает чемодан.

«Хоть одна хорошая новость» – набрал я на автомате на экране, но отправлять не стал.

– Она на вертолёте полетит, – стал я снова следить за пикирующим бомбардировщиком.

– Почему на вертолёте? – подпрыгнул мой телефон и протянул новое письмо.

– Просто так сказал. На какое взять ей билет?

– Она хочет через неделю. Ты можешь позвонить?

– Через неделю? Не могу, – не хотел я снова сейчас домой. – У меня совещание важное.

– Да, через неделю.

– А что она думает делать здесь после вчерашнего ещё целую неделю? – бросил я себя ещё на неделю в холодное не отопленное семейным теплом пространство собственного дома.

– Мирить нас. Так она сказала.

Я не стал отвечать, наблюдая, как Катя сделала уже два выстрела из мухобойки, но попала в молоко.

– Катя, я понял, вы слишком добры, вы не способны на убийство.

– Я всё время думаю: «За что?»

– За дерзость.

– Я имела в виду, мне что с этого?

– Катя, вы стали меркантильны.

Она ответила не сразу, сначала взяла стул и поставила к окну, по стеклу которого прогуливалась муха. Было заметно, что насекомое уже акклиматизировалось, а вид девушки с мухобойкой его не пугал, а забавлял.

– Все женщины меркантильны, если речь заходит о мужском внимании.

– Я мог бы предложить тебе дружбу, но знаю, что мы не сможем дружить.

– Да, это больше будет похоже на разврат.

Максим расхохотался так громко, что муха не выдержала и пошла на очередной круг. Теще не нравился его смех. Не то чтобы Максиму мешалась эта муха, просто он хотел как-то развлечься, другими словами, понаблюдать за игрой выдающихся бёдер своей секретарши, которая была в него по уши влюблена. Флирт – он мог себе это позволить, она – нет. Ей нужен был не флирт, ей нужна была любовь, всему её тёплому доброму телу.

– Третья попытка, – перестал смеяться Максим. Катя посмотрела сначала на него, потом стала выцеливать севшую на занавеску муху. Но в этот момент ветер своей мощной рукой распахнул окно настежь и дёрнул за занавеску. Тем самым он спас жизнь теще, та улетела.

– Вот, теперь ваша совесть чиста.

– А ваша? – поставила стул на место Катя.

– Мою уже не отстирать, Катя.

– Попробуйте «Ваниш».

– Спасибо, только она спит.

– Да, не за что, Максим. – Иногда Катя сбрасывала с себя официоз и звала меня по имени. Но я не шёл, я знал, к чему это может привести. Я отгораживался работой, женой, тещей, дверью, стеной, весной. Меня не вдохновляло совместное чтение служебного романа.

– Особенно за кофе.

– Вам окно закрыть?

– Не надо, пусть дышит. – Я углубился в экран компьютера. Открыл ящик, нашёл письмо Томаса.

– Ну, я тогда пойду?

– Да, конечно. Как вы относитесь к гостям, Катя?

– Ходить или принимать?

– Принимать.

– Надо соблюдать дозу. Иначе гости могут отравить жизнь.

– То есть вы считаете, что настоящие гости – это не те, что к тебе приехали, это те, что никак не могут уехать, – вспомнил Максим одного своего старого знакомого, который жил на берегу Чёрного моря и был настолько гостеприимным, что постепенно гости вытеснили его из собственного дома. Однако, он не расстроился, рассуждая философски, он объяснял, что, видимо, этим людям море нужнее, чем ему. Кончилось тем, что он поставил в саду палатку и жил там. Но Максим не хотел жить в палатке, чувство собственного достоинства да и климат питерский не позволяли.

– Нужна помощь? – взмахнула воинственно в воздухе мухобойкой Катя.

– Катя, вы слишком добры, вы даже мухи убить не можете.

– Гости не мухи.

* * *

Иногда поезд замедлял ход до полной остановки, и тогда казалось, что останавливалось само время. Наступал странный вакуум чувств, люди сидели молча и смотрели друг на друга. Будто все одним махом попали впросак, в промежность, в паузу, в пробку из сплошных вагонов. Состав стоял не шелохнувшись, он ждал. Никто не знал чего. Но кого мог ждать молодой красивый локомотив – конечно, электрички, которая промчалась перед окнами состава. Тот проводил её своими квадратными глазами, понимая, что ему с ней не по пути. Слишком разные они, слишком разные скорости жизни, да и характеры тоже были разные. Однако полюбоваться было приятно.

Поезд ещё раз качнуло, позвонки его вытянулись и он быстро начал набирать ход. Внутри поезда снова забурила жизнь, словно кто-то снял с паузы кино, которое шло: одни начали по инерции доставать еду, другие продолжили играть в карты, третьи пить пиво, Марина и Тома сидели в своём купе и занимались любовью. Это был не секс, а скорее ликбез.

– До понедельника ещё целый день, а я уже волнуюсь.

– А что такое?

– Ведь я его не люблю, а он будет меня встречать, с цветами. Я, как обычно, воткну их в хрусталь на подоконнике, пусть там служат. Не надо соревноваться с теми, кого вы не любите. Они уже проиграли.

– Это вы о чём, Тома?

– А ты любимой быть не пробовала?

– Пробовала.

– И что? Не понравилось?

– Поначалу.

– Потом любовь, как аромат из вина, улетучилась. Все это проходили. Что делать, даже хорошее вино осаждается. Вот я и говорю, на кой теперь мне этот осадок. Сегодня проснулась лежу, и думаю, что за ночь! Ни одного звонка, только одна смс-ка от турфирмы о горящих путёвках. Уехать бы. А куда? – «Куда-нибудь», ответила она сама себе мысленно, лёжа в постели. – И что там? Найти кого-нибудь. Зачем? Сделать что-нибудь. И снова «уехать бы»? Так я там была уже несколько раз.

– Тома, честно говоря я уже запуталась, один тебя встречает, а любимый-то у тебя есть?

– Есть, но он сейчас далеко отсюда.

– Где?

– Очень далеко... Точнее сказать, я с ним ещё не знакома.

– Ну да, ну да.

– Какую музыку ты любишь? – начала что-то напевать под свой уникальный нос Тома.

– Я не знаю, – ответила скучно Марина, ей всё время приходилось отвлекаться от своего чтения. Поезд качнуло, позвонки его вытянулись и он медленно начал набирать скорость.

– Под которую можно поговорить с собой и помолчать с другими, – ответила сама себе Тома. – А мне сначала показалось, что ты такая же болтуня, как и я. Извини, я молчать тоже умею.

– Говори, я слушаю, – отложила планшет Марина и посмотрела прямо в губы Тома, которые были ярко накрашены.

– Опять зацепка, сейчас стрелка пойдёт. Хотя на чулках это не так страшно, – потёрла она свою ногу и опустила, оставив её в покое, как оставляют человека, от которого нет пользы. – Вот на душе... Зацепилась за одного, теперь стрелы из сердца, как занозы, выдираю.

– Ты же говорила, что ещё с ним незнакома? – пыталась найти логическую нить рассуждений Тома Марина.

* * *

Проснувшись от ненавистной мелодии холодного утреннего звонка, девушка машинально посмотрела на телефон и одним сенсорным движением добавила себе ещё пятнадцать минут сна. Она была достаточно взрослой, чтобы надеяться на то, что этот сон будет лучшим в её жизни, да ей и не нужен был лучший. Нужен был глубокий, надёжный, близкий, с которым можно было бы не только переспать, но и выспаться.

Будильник позвонил вновь ровно через пятнадцать минут. Она взяла трубку. Спорить с будильником бесполезно. Хорошо, что ему можно не отвечать, просто оставить ему отпечаток пальца и он доволен, он затих, он погас. Не вылезая из постели, она вытянула руку и нащупала на столике зеркало. Что могло сказать лицо в девять часов утра? Что ему, как минимум, не хватило двух часов сна, чтобы улыбнуться искренне.

Скоро она уже сидела на кухне. Кофе был крепкий и горячий. Алиса сознательно обжигала им губы, чтобы забыть вкус вчерашних поцелуев. Как часто за отличную ночь приходится расплачиваться утром. Жутко хотелось спать, несмотря на то, что погода была отличная. Наступившее утро не было исключением, оно тоже косило под доброе. И чем чаще она слышала об этом, тем меньше в это верила. Эта пятница могла бы быть лучше всякой субботы, если бы не один недостаток – недостаток свидания. Вчерашнего свидания. Алиса не знала ещё, сколько ему потребуется времени, чтобы позвонить ещё, если он вообще позвонит. Понятие скорости у мужчин и у женщин всегда были разные: то, что последние на первом свидании называли ездить по ушам, первые окрестили как ходить по бабам. Для одинокой девушки нет приятнее сюрприза, чем встретить одинокого мужчину. Считать себя всё ещё одинокой, свободной, или уже нет?

Иногда и она, не зная чем себя ещё развлечь, звонила ему, рассказывала о последних новостях её внутреннего мира, о том, что тот захвачен скукой и нуждается в герое-освободителе. Кто может устоять перед такой миссией? Никто. И когда он уже был готов рвануть к ней, сбивая цветы с прилавков магазинов, она вдруг говорила, «подожди, очень важный звонок на второй линии», и оставляла его в недоумении. Не было никакого звонка, но и скуки уже тоже не было, была обычная проверка чувств, пусть даже ревностью, главное, был человек, готовый ради неё на всё. Ради их благословлённых осенью душ. Душ, вот что могло её сейчас спасти. Алиса взяла кофе и пошла в ванную. Она не собиралась его там пить, ей нужен был аромат.

* * *

Марину разбудило радио, в котором суежилась болтовня дикторов поезда ФМ. Они сидели в своей студии на волне, точнее сказать пытались её поднять при полном штиле остроумия, чтобы подсадить на неё других, и беспрестанно поглядывали на часы, мечтая о конце этого эфира, потому что по их нервному смеху и натужному юмору, чувствовалось, что утро это далось им тяжело. Возможно, вечер был насыщен или даже перенасыщен, а ночь бессонна. В этот момент все становились из творцов ремесленниками:

- Иногда женщина должна быть сильной.
- Зачем?
- Чтобы приводить в порядок свои слабости.
- Сама она не справится. Для этого ей понадобится опытный менеджер. Заявляю тебе как женщина.
- Мне кажется, в тебе заговорила корысть.
- Не то что бы я очень корыстна, но мне нужен такой человек, посмотрев на которого, я сразу бы поняла: это мой мужчина, с ним я смогу не только ложиться, но и не вставать... в такую рань.

Хаос всё ещё царствовал в голове Марины. Как бы она ни была хороша, она знала, что рано или поздно это пройдёт. Мысль навязчивая, казалось бы далёкая и чужая пугала и поедала мозг, до тех пор пока вчера не появился тот самый попутчик, занявший полку напротив, который, едва только бросил сумку под полку, сказал:

- Раньше я не верил в любовь с первого взгляда.

* * *

- Привет! Что с настроением?
- Акклиматизация.
- Да, климат понедельника никогда не был мягким. Что делаешь?
- Муж смотрит телик.
- Я же не про мужа, я про тебя.
- Я и говорю, дети не слушаются, жизнь проходит. Ты пристраслил меня к плохому.
- Хорошего ты бы не полюбила. Может ну его, мужа, выходи за меня?
- Я не умею готовить.
- А что ты умеешь?
- Лежать и ничего не делать.
- Спать. Вчера вот шла домой, поскользнулась, упала, лежу, смотрю на фонарь над головой, как под его руководством грациозно и солидарно падает снег, вставать неохота. Подумала: «Будь ты рядом, лёг бы со мной?»
- Нет.
- А муж мой лёг бы.

– Ты меня не дослушала. Я бы не дал бы упасть.

Так мы и общались, будь то телефон или Интернет. Постоянная игра, в какого-то третьего, который жил между нами, который всё знал про нас, и который был тем самым зеркалом в которое мы постоянно смотрелись, то узнавая себя, то забывая, то улавливая там отражение я – Алисы, она – моё, то грустное, то идеальное, то самодовольное другим. Зеркало, которое сглаживало все углы больших и крупных разочарований.

* * *

– Для меня утро было самой настоящей работой без выходных и без отпуска, на которую я вставала каждый день, с которой я не могла уволиться, и дело было даже не в зарплате: слёзы кофе из кофемашины и гроши печенья из буфета. Это меня, правда, мало волновало. Дело было в любопытстве: всегда хотелось знать, каким будет продолжение. Я была привязана к своей жизни. Именно кофе, именно печеньем и прочими мелкими радостями. Они словно крючки держали меня на плаву, не давая утонуть и тащили куда-то вверх. Возможно, я была просто пойманной рыбой, а тащил меня рыбак-человек, к которому в данный момент я и была привязана, он тащил чтобы поцеловать, насладиться властью и может быть даже отпустить, чтобы потом, я с окровавленным от его поцелуев ртом, навсегда разучилась клевать. Плыла потом в гордом одиночестве, игнорируя другие наживки. Одиночество – это искусство, которым я ещё не владею. Только когда ты научишься его понимать, прогуливаясь по залам своего сознания, наслаждаясь его красотой, то обязательно встретишь другого любителя этой живописи, который остановится напротив картины одной моей жизни.

Дверь приоткрыта, тёплый ветер ласкал её ноги, прекрасные ноги. Дверь в которую он входил постоянно, без стука, узнать самочувствие. Можно сказать, надоел, но не было лучше и вообще никого больше не было. Она не решалась закрыть её раньше, хотя понимала, что всё уже, всё как будто исчерпано. Страшно было остаться одной. Она знала, без него ещё хуже. Дождалась, он сделал это первым. Главное вовремя уйти, нет, главное, чтобы он вовремя пришёл.

* * *

Небо капризничало, жена тоже. Похоже было на стовор. Я проснулся от аромата кофе, который струился из кухни. Я мысленно зашёл на кухню, там пролиты люстры, их мягкий свет намочил мои ноги, я одет в кухонный уголок, стол покусывает локти, кофе жжёт мой внутренний мир, дым выпускают губы. Я с ним балуюсь, в руке моей сигарета, с ней не поговорить, она скушает, потом, как жена, будет из пепельницы ворчать, что я ей сломал жизнь. Я снова закрыл глаза и постарался уснуть. Но тщетно. Сон уже ушёл в душ, и было слышно как он полощет горло и собирается чистить зубы моей щёткой. Надо было вставать.

Скоро я вышел из ванной на звуки кофе.

– Что ты молчишь всё утро? Чем-то недоволен? – налила мне жена горячего счастья и пододвинула его ещё ближе, чтобы пил, пока теплилось.

– Нет, пытаюсь общаться с тобой мысленно, – вытирал я воду с мокрой головы полотенцем, что висело на моей шее.

– Я так и поняла, что злишься. Неужели нам так сложно прийти к компромиссу?

– Давно уже к нему пришли, и чай выпили, и кофе, и даже переспали несколько раз. Теперь вот не знаем, как уйти от него, чтобы никого не обидеть, – взял я за тонкую фарфоровую ручку чашку и сделал глоток, на краю её остался след кофе, капля которого стекла, насколько ей хватило сил и остановилась в нерешительности: «Идти или засохнуть здесь?»

– Но что делать, если мы едим вместе, отдыхаем вместе, даже спим вместе?

– Да, самое досадное, что в одной постели мы видим разные сны, – поставил чашку на стол.

– Знаешь, о чём я жалею, что холодильник открываю чаще, чем книги. Что вместо того чтобы готовить тебе, лучше бы читала, читала другие лица. Будешь? – показала жена мне тарелку с нарезкой колбасы, открыв холодильник, собираясь её убрать.

– За каждым идеальным мужем стоит на кухне своя идеальная жена, – покачал я головой в знак того, что не буду.

– Это ты идеальный? Тогда подари мне машину, – закрыла она кухонный ларец.

– Зачем? У тебя же нет прав.

– Именно, хочу уехать подальше.

* * *

А меня, кто же будет есть меня? Или я теперь настолько несъедобная, пресная? Я вывернутая, как бельё, как рыба, посаженная в клетку, я не могла понять тогда, да и сейчас не понимаю, почему ты не мог допить пойло своё, возвращённую из собственных рук детку любви? Зачем было меня так мучить? Зачем было меня есть, чтобы потом столько времени не переваривать? Я же помню, как секундная стрелка отсчитывала часы в пустоте, на кухне только я и кофе, проглатывая даты встречи и прочее, ночь промяукает Лагутенко, затягивая тушью в свою оболочку. А утром мне надо было, как и всем, на работу. Твою я тоже помню, как ревностно ты к ней относился, словно это была твоя патологии. На каждое слово моё ты собирал целый кроссворд, стал со мной грубым, вульгарным. Вставляй и властвуй. Я имею в виду мат. А я как птенец из группы начального обучения, неспособная к этому языку абсолютно. Это меня унижало, оскорбляло. Я понимаю, что всё это было предисловием к твоему новому роману, к твоей неуверенной пляске эго.

Марина лежала одна в кровати, что уже пахла спортзалом, которая больше не попросит пощады ночным скрипом, будет теперь спать одна дома, пока не появится другая женщина. Будет ли она скрипеть так же? Или, как собака, скукать по старой хозяйке, которой давно пора взять себя в руки, взять в руки сына, вещи, чтобы переехать в другой дом, сдать времени на хранение своё оружие: смех губы, взорвавшую не один ужин, атомную бомбу её красивых молочных желёз. Желёзки больше никому не нужны, когда они теперь ощутят мужскую тёплую руку, она не знала. Потому что ни сегодня, ни завтра ещё долго будет в голову приходить только вчера. Нежна ли я всё ещё? Да, я теперь в этом плане хуже тирана. Свободна ли? Да, несчастна. Люблю. На завтрак обед и ужин. Ешь, в холодильнике моего сердца для тебя больше ничего нет. Кушай холодец моего чувства, я суженая среднестатистическая брошенная. Я приготовлю ещё, потому что люблю, утром, вечером, днём, и в моём календаре больше нет чисел. Медленно и верно опускаюсь на дно этой самой кровати. Ты настоящий вор, ты хату души богатой обчистил, воспользовавшись моей любовью словно отмычкой. Я капризна сегодня, вчера, завтра, а кто-то обещал мне машину подарить. Вспомнила она последний диалог между ними:

– Думаешь, мне легко от тебя уходить?

– На, – протянул он ей связку ключей.

– Что это?

– Ключи от машины.

– Шут, как был шутком, так и остался, – отказалась она от взятки. Правда, поделился квартирой. Теперь есть только машина времени, которая у меня в мозгу, которой постоянно нужна заправка. Её постоянно надо заправлять воспоминаниями.

Марина действительно стала много гулять после их разлуки, всякий раз, возвращаясь с работы, пытаюсь оттянуть момент одиночества дома. Ей было легче среди людей, где она видела себя в витринах, чаще на прилавках с пометкой «продано». Она была скуплена одним-

единственным человеком на корню, каждая её клетка. «Люблю, я же всё ещё люблю его. Но как-то по-другому. Осенью, зимой, летом, погода – самое скушное из дней недели, ради тебя и висок мой целовался бы с пистолетом, иначе, чем выражена полная потеря мозгов. Люблю, на завтрак, обед, ужин. Ешь, что приготовлю, твою мать, чем же ты меня обезоруживаешь, безумием мне не понять».

Хорошо тем, кто может жить в виртуальном мире, как её сын. Марина им даже чем-то завидовала, и не важно воюют они там или любят, главное, что нет скандалов, нет капризов, нет ничего настоящего. Только любящие глаза лицом к лицу, беспокойные пальцы эмоций, мышь иногда пробегает между ними, хотя рядом ни кошки. Идиллия, роман на долгие годы, она постоянно наблюдала эти счастливые пары в кафе он или она и телефон или компьютер.

* * *

– Вот тебе ещё одно письмо от моей поклонницы, – сидел напротив меня за чашкой чая Томас, который заходил в издательство иногда по делам и так, а раз в месяц за авторскими. Он не был корыстен, скорее даже щедр, вместе с ним приходила его невидимая муза, она садилась по очереди на колени всем сотрудникам, с которыми здоровался Томас. Он думал, что здесь любили его, на самом деле – его музу. Она была хороша, да, что там хороша, настоящая очаровательная сучка. Все хотели, и мужчины, и женщины. Мужчины – её иметь, женщины – ею быть.

Томас преподавал на Восточном факультете. Жировать не приходилось, жир плавал где-то наверху, вне зоны научной деятельности. Однако, что на филфаке, что на востфаке, преподады как-то перебивались частными уроками, довольствуясь малым, но музу тоже надо было кормить. Писателю это как-то удавалось благодаря своим арабескам. Конечно, не было в его успехе ничего гениального, если рассуждать логически: две темы, которые вызывают больше всего эмоций – это власть или секс. Но с другой стороны, попробуй человека заставить сейчас что-нибудь читать.

– А как ты попал на Восточный факультет?

– Вообще-то я хотел пойти на испанскую филологию, но у меня не было связей, чтобы поступить на бюджет, а на коммерцию – денег. Тогда мой брат сказал мне: «Чего ты паришься, тебе не всё ли равно, какой язык учить, главное же атмосфера». Я посмотрел, где конкурс небольшой, получилось, что в Африке. Короче, выбрал африканистику, суахили.

– Ты знаешь суахили?

– Да. Да, он не такой сложный, как кажется. Возможно, впечатляет названием. В переводе суахили означает – «побережье», письмо – латиница, много арабских слов.

– Много? – спросил я на автомате, в то время как меня окружили чернокожие мысли с копиями и в набедренных повязках.

– Например, китабу. По-арабски – китаб – это «книга».

– Китаб? – включился вновь в разговор, услышав знакомое слово. – По-татарски, китаб тоже «книга».

– Откуда ты знаешь татарский?

– Ездил к бабушке в детстве в Казань.

– Чудеса.

– Люди могут говорить на одном языке, достаточно только захотеть, а некоторым захотеть друг друга, – знал я, что не было никаких чудес, просто муза его в этот момент села ко мне на колени.

– Я давно это подозревал, для поцелуев больших способностей не надо, – глотнул чаю Томас и задумался.

– Ещё чаю? – пытался я вернуть его из транса.

- Да, пожалуй, – почесал он голову, потом опустил её и поднял уже с улыбкой.
- Катя, можно нам повторить, – сказал я в трубку секретарше.
- Катя, вам нравится суахили? – спросил я её, как только она воцарилась в кабинете.
- Кофе вкуснее, – поставила она на стол поднос со свежим чаем.
- Что же вы нам чай принесли?
- Что просили, то и принесла.
- Катя, вы всегда такая покорная?
- Нет, только по четвергам.
- Почему по четвергам?
- В четверг вся надежда на послезавтра.
- А что у тебя в эту субботу? – Долгие переговоры с секретаршей означали только одно – мне было скучно. Нам было скучно без женщин. Мне, в частности. Для того чтобы как-то разбавить деловые отношения мужчины постоянно приглашают в них женщин. Те часто приходили из воспоминаний или из фантазий, мне повезло больше, я мог вызвать её, как святого духа, из соседней комнаты.
- Мужчина.
- Неужели?
- Напиши мне это и отправь по почте, иначе я не поверю.
- У меня кончились конверты.
- Как кончились?
- Максим, это же образно, – пришёл на помощь даме Томас. Муза тут же спрыгнула с моих колен и поспешила вернуться к своему писателю: – Женщина – это конверт, мужчина вкладывает в неё пись... мо, направляя к самому сердцу, – нарочито разделил на слоги слово «письмо» Томас. – Знаешь, что отличает настоящего мужчину от проходимца? Разборчивый почерк.
- А женщина, значит может, быть не разборчивой? – встал я и подошёл к бронзовой статуэтке, заставив её качнуть головой.
- Нет, она просто не сможет, после такого письма.
- Эти твои шарады вскружили голову уже не одной девушке. Теперь я знаю, как ты их соблазняешь.
- Не надо женщину ни соблазнять, ни совращать, она лучше сделает это сама. Задача мужчины – включить её воображение, на котором держится крыша, – улыбнулась муза его губами.
- Что скажешь, Катя? Как представитель слабой половины первой четверти XXI века, – оставил я бронзу.
- Воображали.
- О, слышал? Вот тебе и почерк, и чай с суахилиями.

* * *

- Чтобы ты знал, что не всё коту масленица, – открыл свой планшет Томас и начал листать страницы.
- А, вот, послушай:
«Здравствуйте, прочитала вашу книгу... Впечатления самые грустные. Примите ложку дёгтя в общем хоре мёда.
- Стихи домысливают ваши читатели и читательницы. Сами придумывают персонажей, характеры и истории. Ваши стихи похожи на французскую горчицу или соль в салате из свежих овощей, который читатели готовят сами... Поэтому и послевкусие отличное, каждое зёрнышко этой горчицы – взрыв удовольствия на языке.*

А проза... Послевкусие напичканного специями фаст-фуда. Когда чистой воды жаждешь раньше, чем доел. Когда ощущаешь, что грязные не только твои руки, но и ты сам изнутри... А какой был удивительно вкусный запах – слабо возражаешь ты совести... Запах мужщины, который понимает женщину. Он превратился в горький дым разочарования.

И всё видится насквозь, и игра слов уже не занимает ума, и каждая последующая сцена всё скучнее и скучнее... Он сверху или сзади в доминирующей позиции)))

И дело не в отсутствии честного, не идеализированного восприятия женщины или отношения полов, не в отрицании здорового цинизма... Наверно, дело в идеализированном восприятии автора))) В авторе виделся умный, тонкий и понимающий мужчина, а обнаружился патологоанатом, умно препарирующий гениталии, которому не интересны сердце, мозг, лёгкие, язык и прочий ливер объекта...

Вы мастерски работаете со словом, но я не прочту больше ни одной вашей книги... Вы умеете говорить, но вам нечего сказать... Цитаты читаю ради развлечения, но запоминать не стану. Блестящий юмор, ювелирная двусмысленность, но всё слишком колет, на сердце не положишь, душу не украсишь, подрастающему сыну или дочери не преподнесёшь как жемчужину добра и мудрости...

Извините за злое слово. Как известно, на вкус и цвет... Хороших вам объёмов продаж!»

– Переживаешь?

– Я мог бы тебе соврать. Художник переживает всегда, по любому поводу, даже без повода, иначе какой он творец.

– Несчастливая женщина, не повезло ей, видимо, с мужиком, не познала она радости секса. Но в этом не ты виноват, и даже не она виновата, а её мужик, не привил ей вкуса к прекрасному, – взял я из вазы конфету.

– Ты виноват, – засмеялся громко Томас. – Твоих рук дело.

– Моих? – посмотрел я на свои руки и отложил в сторону развёрнутую конфету.

– Ты же книгу выпустил.

– Никогда не чувствовал себя таким виноватым, – засмеялся я в ответ.

– Да. Женщины смешны.

– Чем же они так смешны?

– Они нам верят.

– Значит, ты их обманываешь, заставляя читать свои книги, – глотнул я чаю.

– Нет, я не заставляю их читать, только чувствовать.

– Что чувствовать?

– Фальшь. Точнее сказать, фальшь их жизни. Фальшь, которую они должны уметь отличать и обходить, чтобы не купиться.

– Женщины на самом деле не так глупы, как прикидываются.

– Они не прикидываются, они влюбляются.

– Вот и я говорю, целуешь её, целуешь, сосёшь её, сосёшь, а она всё без чувств, – снова я связался со статуэткой. Взял с полки цыганку, танцующую бронзовый танец, и поцеловал в голову, поставил обратно, та закачала в знак отрицания головой. «Я понимаю, что нехорошо брать без всякого разрешения, но ведь хочется», – ответил я ей про себя.

– Нет бесчувственных женщин, есть мужчины, которые не знают, куда следует целовать, – засмеялся Томас тоненьким смехом. Смех его был не выше второй октавы, будто смех флейты. Станный такой, совсем не мужской, писательский смех. Я ещё раз посмотрел на цыганку, та тоже улыбалась. Они все смеялись надо мной. Я был смешон в своём понимании женщин. Катя, это она, она довела меня до этого состояния: мужчине достаточно иметь всего одну любящую женщину в подчинении и всё, для всех остальных он пропал, ему уже кажется, что он познал

саму женственность, её слабые мускулы и сильные эмоции. Ему кажется, что он их раскусил, понял, съел.

– А знаешь, что самое главное в отношениях, если ты хочешь выходить из них сухим? Никогда ничего не обещавай, особенно то, что женщина может исполнить сама.

– А позитивное что-нибудь пишут? – вспомнил я, что обещал позвонить жене.

– Да, вот это меня позабавило: «Мне нравятся ваши цитаты, но я не читала ваши книги (что печально, однако исправимо)... не дай бог ещё станете моим любимым писателем».

– Письмо давно написано?

– Дня три как.

– Возможно, ты им уже стал.

– Надеюсь, по крайней мере, она обещала. «Я почитаю, вы интересны мне. Если бы вы родились женщиной вы были бы великой стервой, наслаждающейся безумием».

– А кто ты сейчас? – захотелось мне узнать формулу этого талантливого человека, а может быть, даже гениального. То, что гены его были выстроены как-то иначе (скорее, даже не выстроены, а воспитаны, я видел их сидящими за столиками у берега моря, сосущими коктейль, а мы пытались блаженных строить, создавая внутри себя государство с особым режимом) чем у остальных, чем у меня, например, было видно по ходу его мыслей. Если мои после работы, как и тело, возвращались, следуя микросхеме, в свой микробыт, то его работали постоянно, они не знали, что такое быт, что такое отдых, точнее сказать, они умели отдыхать только в работе.

– Сейчас? «Ну вы явно ненормальный», – продолжил читать Томас, – «по моим рамкам безумия далеко до полного психического затмения, но и не поверхностное помешательство. Вы или тонко чувствуете женское настроение в мире, или поэтично перебираете женщин и используете потом в своих романах. Хотя... Почему или?»

– Главное, не перебрать, – не сдержался, чтобы не прокомментировать я. «Значит, и у безумия бывают рамки», решил про себя, глядя на писателя, у которого глаза горели, будто две галогенки, установленные подсвечивать постоянно его творческий путь мышления.

– Женщина – это коктейль, мужчина вставляет в неё свою трубочку и пьёт, – не собирался сбиваться с намеченного пути Томас.

* * *

– День как будто прошёл не зря, я вернулась с работы, открыла дверь, душу бросила в стирку, тело в ванную, лежу наслаждаюсь теплом. Колени торчат из пены, смотрю в зеркальце, там честные окна зрачков, набитые девичьими мечтами. Оказалось, что я – это то, что есть у меня, а то чего нет – отражение.

– С лёгким паром тогда тебя.

– Спасибо, но ты меня не понял, наверное.

– Что непонятного, ты в ванной, ты с пеной, ты переживаешь, что это не пена моря, а ванна не наполнена шампанским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.